

Месть
не щадит
очевидцев

Оксана Озарица

АЖИВЫЕ ЛЕГЕНДЫ

МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Оксана Одрина
Лживые легенды

«Автор»

2023

Одрина О.

Лживые легенды / О. Одрина — «Автор», 2023

Мсть не щадит очевидцев. И если бы Егор знал об этом до того, как ввязался в расследование загадочного убийства, которое произошло много лет назад в заброшенном саду на окраине небольшого села, то не спешил бы обживать в доме, что достался ему в наследство именно в том местечке, где свершилось преступление. Егор слышит голоса неприкаянных душ, но сам всё никак не решается заговорить с ними, а зря. Ведь, чтобы разобраться в правдивости событий на краю гиблого сада, что произошли задолго до его рождения, ему всё же придётся прибегнуть к помощи заблудших сущностей и выслушать версии событий того дня от каждого из недавно почивших свидетелей расправы над жертвой. Но кто из шестерых говорит правду, а кто лишь оправдывается, прячась от неминуемой расплаты за содеянное, даже когда его последний час пробил? У Егора остаётся всё меньше времени, чтобы развязать узел из легенд, лжи и смертей, и самому при этом не пасть жертвой ослеплённого мстью правдоискателя с явно маниакальным синдромом.

© Одрина О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Непростая	5
Глава 2. Два в одном	10
Глава 3. Наш человек	13
Глава 4. Воришки	17
Глава 5. Новоселье	21
Глава 6. Тебя не тронет	27
Глава 7. Они приходили ночью	30
Глава 8. Поздние записи	34
Глава 9. Долговязая яма	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Оксана Одрина

Лживые легенды

Глава 1. Непростая

Егора давно не удивляли странности, нередко творившиеся вокруг него в самых неподходящих местах. Но он и не думал, что они могут случиться с ним в таком солидном, как в приёмной у юриста. Поэтому когда именно здесь внезапно померк дневной свет, и без того паршивое настроение его стало ещё более безрадостным, и он нахмурился и помрачнел.

Незапланированная утрата действительности на этот раз застала его в нотариальной конторе, в просторном кабинете, выходящим широченными окнами на шумную дорогу. Когда же и цвета, и звуки потеряли силу, крайне раздражённый сложившейся вокруг себя ситуацией Егор, то и дело сощуриваясь, бросился искать взглядом часы, чтобы немедленно разобраться, сколько же времени и в своём ли он уме. Но пока их не находил.

– Отлично, – неожиданно сильным голосом протянул он, продолжая пялиться в сумерки.

Это было очень противоречивым ощущением – точно знать, где находишься и при том совсем не узнавать место. И хотя с самого начала помутнения реальности Егор держался довольно бойко, с каждой уходящей секундой невидимая тугая пружина беспокойства всё сильнее сжималась внутри него.

Сквозь тревожную полутьму с трудом улавливались очертания деревянных карандашниц и стопок бумаг на столе напротив Егора, контур подоконника, силуэты горшков с фиалками на нём и само окно. Но, судя по всему, неурочное затмение для него сегодня впервые оказалось слегка бракованным. Он заметил интересную особенность – стена слева, мастерски отделанная декоративной плиткой под серый камень, по-прежнему выглядела выразительно и не погрязла во мгле.

– Да что ж такое-то сегодня, – пожал плечами он и, оторвав взгляд от фальшивой кладки, обернулся.

И вдруг наткнулся на циферблат в чёрном корпусе над входной дверью. В то же мгновение сознание его прояснилось, вернулись утраченные краски комнаты и галдёж прохожих с улицы, и он, свободно выдохнув, смахнул испарину со лба. До полудня оставалось двадцать минут – он в здравом рассудке, да и со временем всё в порядке. Правда, оно словно замерло, и тишину в кабинете нарушало такое ленивое тиканье еле ползущей по кругу секундной стрелки, что становилось не по себе.

С ним и раньше такое бывало. В глазах темнело, кружилась голова, а картинки реальности мешались в бесформенные пятна, но он знал, что делать – молчать. Именно молчать, и тогда пугающее помешательство отступало, а Егор спустя всего пару минут уже мог ясно понимать происходящее и критически мыслить.

Ему бы сейчас просто выскочить на улицу в прохладный июньский день, а ещё лучше хорошенько умыться ледяной водой, чтобы морок отступил. Но вместо этого он вынужден был, терпя тесноту душного помещения, вот уже четвёртый раз подряд сверять правильность данных своих документов с распечатанными для подписи бумагами. Как тут в голове не помутится? Неужели так сложно набрать на клавиатуре дату его рождения или фамилию – Кашевский – без ошибок?

Недовольству его не было предела. Ни на чём другом он уже не мог сосредоточиться, как вдруг череду его возмущенных мыслей прервал косой луч солнечного света, который всё же прорвался сквозь плотно сомкнутые персиковые жалюзи окна и бликом скользнул по его бледному лицу.

И тут странности продолжились.

Ведь в тот же миг нудно загудел его сотовый, который был обеззвучен ещё при входе в контору, и всё это время дремал на краю стола под папкой с документами. Из коридора, в котором Егор никого не встретил, когда пришёл, донеслись тихие шаги, будто крался кто-то. Потом в дверь за его спиной несмело поскребли, следом заскрипели петли, а створка чуть приоткрытого окна так шумно захлопнулась, что он вздрогнул. Секунда, и всё стихло, никто так и не вошёл, а Егор насторожился. Но больше ничего не произошло, и он снова уставился в надоевший текст.

На этот раз ему и беглого взгляда по листку в руках хватило, чтобы понять – все сведения о нём верны. Но стоило ему взяться за авторучку, чтобы поставить заветные подписи и сбросить наконец бремя нескончаемой бумажной волокиты, как рядом послышался предостерегающий шёпот:

– Повинись, Демон!

По спине пробежали мурашки, и Егор зябко повёл плечами. Нет, предчувствие снова не обмануло его, когда десять минут назад он ненадолго стал почти незрячим. Но он, как и всегда, отмахнулся от безумного внутреннего голоса, а зря. И вот теперь, борясь с желанием вскочить и броситься прочь из кабинета, он безмолвно наблюдал, как пышная нотариус с чересчур броским макияжем, минуту назад взахлёб расхваливавшая наследство, что вот-вот ему достанется от дальней родственницы, исчезла. Елену Дмитриевну Юрчук неожиданно поглотил туман. Вместо неё за шикарным глянцевым столом восседала статная пожилая женщина с убранными в аккуратный пучок на затылке седыми волосами.

– Повинись, Демон! – вдруг надменно шикнула женщина на Егора, гордо вздёрнув подбородок, а он в ответ лишь неприязненно скривился.

Сомнений не осталось, перед ним сущность – обычный сгусток неживой силы, чувств, недовольств и придирок. Для Егора обычный. Ведь сколько за свои двадцать пять лет он их уже видел – и не сосчитать. Боялся ли он их? Вовсе нет. Выходцы с того света не пугали его. Они раздражали внезапным появлением, а ещё вечным нытьём о личных не сложившихся потерянных жизнях. Бестелесные создания наперебой делились с ним возмущениями по поводу собственной кончины, после непременно упрекая, осуждая и даже частенько проклиная за то, что он в ответ безразлично молчит.

Вот и эта заблудшая душа оказалась не лучше. Мало того, что отвлекала его от важного дела, так ещё и в звании среди нечисти повысила – «Демон». Кто ещё из них двоих здесь «Демон»? Уж точно не Егор. Он лениво махнул рукой перед глазами, прогоняя видение, ещё раз и ещё – не выходило избавиться от образа пожилой особы. Но стоило ему дважды крепко зажмуриться, как в ту же секунду стильный кабинет с застеклёнными грамотами и лестными отзывами в рамках на стенах понёсся по кругу.

– Плохо вам, Егор Евгеньевич? – прорвался к нему сквозь непроглядный смог голос живого человека. – Я смотрю, вы второй раз за полчаса румянец со щёк потеряли. Врача?

И тогда Егор очнулся: напортив него, чуть приподнявшись из кожаного кресла, суетилась с наполовину наполненным водой стаканом та самая недавно канувшая в туман посмертная Елена Дмитриевна Юрчук. Она настороженно всматривалась в лицо жутко побледневшего клиента и то и дело щёлкала пальцами перед его глазами.

– Мне хорошо, – с трудом разлепляя губы, соврал Егор. – Душно тут у вас. Просто душно.

Елена Дмитриевна посмотрела направо, и Егор туда же. На стене над высоким стеллажом, целиком заставленным пузатыми жёлтыми папками с документами, висел незатейливый кондиционер. На электронном табло его светилась цифра двадцать один. Нотариус перебросилась испытывающим взглядом на странного посетителя, а Егор отёр лоб от проступивших капелек пота, и, не говоря больше ни слова, вернулся к бумагам, что по-прежнему лежали перед ним. Ему оставалось только поставить подписи, и он, не медля ни секунды, принялся за дело.

– Это всё от чувств, наверное, Егор Евгеньевич, – хитро ухмыльнувшись, предположила Елена Дмитриевна. – Ещё бы, такое наследство получить. Любой бы растерялся от радости.

– Какое «такое»? – уловив в словах нотариуса усмешку, насторожился Егор.

– Ну, как же, – не унималась Юрчук. – Крепкий частный дом в семьдесят два квадратных метра, построенный больше полувека назад. Раритет так сказать. Винтаж сейчас на пике популярности. Вы не знали? Ну, вы чего, Егор Евгеньевич? Участок земли опять же, где есть приусадебные постройки, погреб, сад, огород. Пора, ой, давно пора, вам, молодым, к земле возвращаться. К корням, так сказать. И название у села такое...

– Какое «такое»? – не отступал Егор.

– Княжево! – возвышено произнесла нотариус. – Вслушайтесь только, Егор Евгеньевич. Княжево! Как вам? Звучит?

– Да, – коротко ответил он, ожидая, что их беседа на этом закончится.

Но нет. Вместо этого Елена Дмитриевна просияла улыбкой, потом поправила пухлыми пальцами воротник белоснежной блузки и заговорила ещё громче и быстрее, чем минуту назад:

– Забыла предупредить, что все удобства на улице. Но зато, Егор Евгеньевич, рядом парк, пруд. Вода родниковая в колодце – студёная, вкуснейшая. Правда, на соседней улице. Но это не беда, верно? Верно. Опять же чистый воздух, прогуляйтесь с ведёрком, разомнётесь. Вам – самое оно будет. И не душно там. Лес недалеко. И всего-то в часе езды на машине от областного центра.

– Угу, – буркнул в ответ Егор, подписывая обычной пластмассовой авторучкой документы там, где Елена Дмитриевна указывала личной в смешных золотистых стразах из бисера. – Вот у меня душа и взыграла, что к корням вернусь, аж в пот прошибло. И к раритетным удобствам на свежем воздухе – всегда мечтал. И без воды. Чтоб уж наверняка почувствовать винтаж. Это особенно порадовало. Эйфория у меня случилась, вот и задохнулся от переизбытка чувств.

– Ой, а я-то как за вас рада, Егор Евгеньевич. И словами не передать, – подхватила нотариус.

Она заёрзала в кресле и деловито тряхнула полными плечами, словно готовилась пуститься в пляс. Но вместо этого, сидя на месте, резво подалась вперёд и заговорщически прогнусила:

– Вы только сознание не потеряйте от счастья, а то я смотрю, вы слабенький на эмоции. Если что, здесь и нашатырь имеется. Вы не первый у меня, кому такая недвижимость перепадает.

– Какая «такая»? – уронил Егор, ища глазами аптечку среди файлов и грамот и не находя её.

Дыхание его потяжелело, перед глазами вновь забегали чёрные точки, и, если он не выберется на улицу хотя бы минут через десять, нашатырь ему понадобится непременно.

Внезапно в лицо брызнули холодной водой, и Егор так резко подался назад, что с визгом прокатился на стуле по полу. От мерзкого лязга он вмиг очнулся, а Елена Дмитриевна, непонятно, как и когда оказавшаяся за его спиной, похлопала его по плечу и обречённо выдохнула:

– Непростая, Егор Евгеньевич. Ох, непростая.

До выхода было всего ничего, но Егору показалось, что он брёл к нему целую вечность. Нащупав ручку, надавив на неё и открыв дверь, в первый миг он отшатнулся. Снаружи метался порывистый ветер и не выпускал новоявленного наследника странного хозяйства, то и дело грозя прищемить ему массивной створкой нос. И лишь когда Егор проявил упрямство и, совладав и с собой, и с вихрем, выбрался на улицу, ненастье успокоилось и лёгким бризом охладило своего победителя.

За порогом Егор на всякий случай ещё раз оглянулся, не вернулась ли та сущность, что присвоила ему чин «Демона», чтобы продолжить прерванную беседу. Но в тесном коридоре с единственным узким диванчиком без спинки кроме одного посетителя, ожидающего приёма, никого не оказалось. Зато у высокого крыльца с кованными перилами из витиеватых завитушек Егора уже поджидал Макар.

Конечно, кто как ни Макар рвался поддержать приятеля в такой путаный день. Ведь дружили они давно. Жили по соседству на одной лестничной площадке. Каждое утро встречались у лифта, шли на остановку и вместе ездили в одной маршрутке: Егор на работу, а Макар в институт. И пусть разница в возрасте между ними была пять лет, ни того, ни другого это не смущало. К тому же Макар частенько навещался с дедом в то самое Княжево, где Егору ещё только предстояло обжиться, и обещал помочь устроиться в первое время. И хотя другом он был надёжным: и в трудную минуту поддерживал, и радости разделял, всё же отличался не всегда уместным любопытством и нелепой прямоотой. Вот и сегодня он не сдержался.

– Ты, что, Кашевский, опять их видел? – ошарашено вскричал он, заметив в дверях болезненно ссутулившегося парня. – Призраки? Здесь?

– Не ори на всю улицу! – оборвал его Егор, осторожно спускаясь по крутым ступеням. – Спятил совсем? Ты что, Макар, хочешь, чтобы меня в психушку уекли? Я нет!

– Ты их видел? – прошептал Макар, встревоженным взглядом бегая по лицу собеседника. – Ну, видел или нет?

– Замолчи, – тихо протянул он, и тут же отёр ладонью вновь взмокший лоб. – На нас уже прохожие оглядываются. На меня.

Чужая, давно угасшая жизнь не отпускала его слишком уж долго. В горле пересохло, перед глазами снова зарябили пятна, а уличный шум внезапно притупился, словно кто-то невидимый убавил звук. Головная боль стала такой нестерпимой, что, казалось, ещё секунда, и потери сознания не избежать, но Егор пока держался.

– Видел, видел, точно видел! – ликующе шептал Макар, теребя потерянного Егора за плечо. – Кто? Ну и кто сегодня? Женщина, мужчина, ребёнок? Или... Что ты там в прошлый раз увидел? Огромный почти прозрачный паук у потолка? Бесформенное сизое пятно с тёмным провалом вместо рта? Белая крючковатая трость, парящая в комнате в темноте? Кашевский, не молчи! Я не отстану, ты меня знаешь!

Тем временем мимо с отчаянным воем проскочила машина скорой помощи, и Макар примолк. Может, побоялся, что и правда друга заберут сейчас же, или обиделся, но наступило молчание. Егор достал из чёрного шоппера, который держал в руках пластиковую бутылку негазированной воды и в пару глотков осушил её наполовину. Ещё немного плеснул в ладонь и тут же слегка побрызгал себе в лицо. И не успел он до упора завернуть крышку на горлышке поллитровки, как головокружение и бессилие отпустили. Как раз тогда он улыбнулся, наблюдая, как насупившийся Макар наигранно безучастно разглядывал людей на остановке через дорогу, и открылся:

– Женщину.

– Правда? – подскочив на месте, оживился Макар.

– Не кричи! – прошипел Егор, поймав на себе недружелюбный прищур проходящей мимо пожилой дамы.

– Молодая? Старая? Красивая? – изводил его неуёмным любопытством Макар. – Кашевский, прекрати мои мучения! Меня разорвёт сейчас! Говори же! Умоляю, говори! Какая же она?

Ответить бы, но Егор всё никак не мог подобрать подходящего слова. Неужели теперь с ним всегда так будет? Всего-то неживое нечто озадачило его сегодня так, что он вмиг разучился ясно понимать происходящее и ёмко излагать мысли? Ну уж нет, не дождутся. И вот, выждав ещё несколько томительных для Макара минут, он признался:

– Непростая.

Глава 2. Два в одном

Ясный июньский день в очередной раз окутывал надоевшей свежестью. Сочно-зелёные листья на ветвях деревьев радовали глаз даже несмотря на то, что середина месяца не впечатляла слишком уж тёплой погодой. Но если учесть, что вчерашний морозящий дождь больше походил на тоскливый осенний и ничего, кроме приевшегося похолодания не предвещал, то сегодняшнее безоблачное небо и слепящее солнце давали всё больше надежд на то, что лето ещё покажет себя в полной красе и долгожданной жаре.

Егор стоял напротив местного гипермаркета с двумя пузатыми пакетами в руках и дожидаясь Макара, который обещал помочь добраться до того самого недоброго дома. Всё необходимое на первое время было припасено. Предусмотрительно уместив в сумки личные вещи, продукты и бытовую химию, Егор не забыл и про воду в пластиковых бутылках. Ведь в первый же день пребывания на новом месте бежать на соседнюю улицу, чтобы утолить жажду, показалось ему не самой удачной идеей.

– Вы Егор Кашевский? – поинтересовались за спиной, и Егор обернулся.

Незнакомая девушка в стильных брюках в узкую полоску и нежно-голубом свитшоте, не стесняясь, внимательно разглядывала его лицо. Егор – её.

– Да, – кивнул он, оценивающе сощурившись. – А вы?

– Яна, – представилась собеседница и с интересом наклонила голову на бок. – Это я вам вчера звонила. Это я отвезу вас в Княжево. Бывали там раньше?

На первый взгляд, Егору показалось, что они с Яной примерно ровесники. Невысокого роста, может, на голову ниже его самого. Стройная, изящная и притягательно миловидная. Темно-русое каре. Послушная прямая чёлка. Шурилась от солнца и приветливо улыбалась. И Егор, сам того уже не контролируя, тоже.

– Однажды, – собравшись с мыслями, ответил он. – Но так давно, что почти ничего не помню. И, Яна, давай перейдём на «ты», если не против?

– Давай, Егор, – согласилась она, ловко заправив растрепавшуюся на ветру прядку волос за ухо. И беззаботно пропела: – А вот как раз и наш Макар.

Внезапно со стороны проезжей части раздался вопль сигналившей машины, а следом визг тормозов. Егор тут же обернулся, и сердце его замерло. Сомнений не осталось, это был именно Макар. Вечная рассеянность вновь подвела его. И в самую неподходящую минуту, практически перейдя дорогу по пешеходному переходу, он выронил смартфон. Аппарат ухнул на асфальт и отскочил назад. Макар же, забыв об осторожности, кинулся следом, мгновенно оказавшись под колесами тронувшегося с места легкового автомобиля. Мало того, что его выходки постоянно слишком дорого обходились ему же самому, так эта и вовсе могла стать финальной в жизни. Но водитель вовремя остановился и, неуклюже высунувшись из окошка боковой двери, разразился праведным гневом в сторону недалёкого пешехода. А Макар, словно не замечая ничего вокруг, елозил на коленках, пытаясь дотянуться до сотового, который лежал далеко под машиной.

– Да, это действительно наш Макар, – ничуть не удивился Егор. – Кто ещё может выкидывать такие номера среди бела дня, если не он.

Яна в ответ пожала плечами. Макара она знала давно и хорошо, а вот его симпатичного друга пока совсем нет. Он был не слишком уж и выше её ростом, зато отличался правильными чертами лица и потрясающим цветом волос: не то карамельно-русый, не то светлое золото, Яна так и не смогла пока определить. Но особенно её поразили его глаза. Потому что в первую минуту ей показалось, что они совершенно чёрные. Даже тревожный холодок пробежал по спине – как такое вообще возможно? Когда же Яна присмотрелась внимательнее, оказалось,

что пугающим оказался редкий тёмно-синий оттенок радужки. Взгляд же Егора был вполне дружелюбным и приветливым.

Пока Яна увлеклась разглядыванием нового знакомого и внезапно для самой себя отвлеклась от происходящего вокруг, усилия Макара, влипшего в историю, увенчались успехом. И вот он, широко улыбаясь, победно размахивая телефоном и не обращая внимания на летящую в спину водительскую брань, мчался к друзьям.

– Цел? – раздражённо бросил ему Егор, шагнув навстречу и хорошенько встряхнув за плечи.

– Да где там, – тоскливо протянул Макар. – Исцарапался весь. Вот смотри. Отец мне теперь точно голову оторвёт. Представляешь, это третья мобила за последние пять месяцев? Как сглазили.

И он, жалостливо кривясь, протянул Егору телефон с ободраным экраном.

– Сам-то ты цел? – громко и жёстко переспросил Егор. Он отшвырнул руку друга прочь, и вскипел: – Что ты мне его в лицо суешь? Убери! Убери, говорю, пока я его сам не добил! Ты зачем под машину полез?

– Так его... это... раздавили бы, – промямлил Макар, виновато потупившись под ноги. – Переехали его бы.

– А если бы тебя переехали? – укорил Егор, ни на секунду не сводя с него взгляда. – Где ты летаешь, Макар? Кто ты? Ты бессмертный? Или у тебя две жизни? Или ты два в одном, и за твоим плечом стоит ещё одна душа, готовая в любую минуту заменить ушедшую в мир иной? И если что случится, ты проживёшь жизнь запасного Макара?

– Я... Я это... – насупился он, так и не решившись посмотреть собеседнику в глаза. – Ну... Случайно вышло...

– Случайно? А после случайной смерти ты ко мне придёшь, так? – вспыхнул Егор, всплеснув руками. – Нить начнёшь и жаловаться, как и все они! Помоги, Егор, выслушай, прости!

– Ну, Кашевский... Да ладно тебе, остынь, – с невинной улыбкой Макар всё же взглянул на друга.

– А я не стану тебя слушать, Макар, запомни! – проговорил с нажимом Егор. – И не отвечу! И не прощу! Я буду глух к твоим мольбам, ясно? Ни слова от меня не услышишь! Ни единого звука!

– Я просто...

– Сглазили его, как же! – продолжал отчитывать его Егор. – Чтобы такого, как ты сглазить, тебя сначала нужно от тупости излечить!

– Ну, не злись, Кашевский, – примирительно протянул Макар. – Не хотел я... Не хотел...

– Угу, – надуту кивнул Егор, стараясь успокоить самого себя. Не выходило. – Не хотел ты. Так я и проникся к тебе жалостью. Не дождёшься. Да ты всю жизнь такой, Макар! И не изменишься, это точно!

– Я не буду так больше, – с чувством пообещал Макар, а искалеченный смартфон его тут же исчез в кармане перепачканных на коленках брюк.

– Как – так? – как бы между прочим поинтересовался Егор, цепко сощурившись.

– Как два в одном, – твёрдо заявил Макар, так нелепо вытянувшись в струнку, что Егор с трудом сдержал улыбку.

– Так ты, Егор, получается, уже прощал? – раздался недоверчивый голос Яны за спиной.

И только в эту секунду Егор вспомнил, что их здесь трое, а он, похоже, наговорил так много лишнего, что теперь перевести разговор в шутку или солгать у него не выйдет.

– Нет, – честно ответил он, надеясь, что расспросы на этом закончатся.

Конечно, он мог обстоятельно ответить Яне, объяснив свои слова и о смерти, и о прощении, но опасался навредить себе. Ведь нельзя вот так запросто открывать такое совершенно чужому человеку! О его ненормальности знали лишь родители. И то, всего, что частенько мере-

щилось их сыну в последнее время, он им не рассказывал. Даже Макара не во всё посвящал. Ему Егор исключительно внешний вид существей иногда описывал – нужно же было хоть с кем-то делиться как минимум этим, чтоб не спянуть. Макар аж млел в эти минуты от удовольствия причастности к сверхъестественному, а у Егора сердце сжималось и подгибались колени. Но он, как мог, сохранял хладнокровие. И хотя держать в секрете свои странности с каждым годом становилось всё сложнее, выбора у него не было. Ну кому понравятся такие откровения? Кто будет общаться с ним, если узнает, что он видит усопших? Трудно даже представить, как к этому отнесётся да вот та же Яна. Нет, он не хотел видеть неприязнь в её глазах. Потому постарался сосредоточиться и, немного помолчав, сказал:

– Яна, ты не обижайся, пожалуйста, но есть темы, которые я не обсуждаю ни с родными, ни с друзьями, ни с кем вообще. Эта одна из них.

– Пожалуй, ты прав, – согласилась Яна, ничуть не огорчившись. – Я не обижаюсь. Лучше не говори сейчас. Скажешь, когда простишь.

Яна развернулась и, больше не произнеся ни слова, пошла в сторону парковки. Крепко сжимая в руке брелок с ключами от машины, она никак не могла отделаться от мысли, что, пожалуй, первое впечатление от его взгляда и самих глаз, оказалось не таким и обманчивым. Тем более, если участь от кого ему достался дом в Княжево. И, видимо, не только дом. И хотя Яна не слишком верила в сверхспособности, паранормальные явления и аномалии, потому что сама ни в чём схожем никогда не участвовала и не присутствовала даже где-то рядом, но и отрицать их не спешила. Не просто же так Егор заговорил о мёртвых и прощении? Точно нет. Пусть и не от него, но подобное Яна уже слышала, и не раз. По всему выходило, что он наследник не просто хозяйства в деревне. Но и чего-то до того серьёзного, необъяснимого и опасного даже для него самого, что без поддержки извне ему не справиться. Об этом Яну предупредили. И она была готова помочь при условии, что он будет предельно откровенен с ней. И лишь на начальном этапе знакомства с этим необъяснимым. Естественно, в разумных границах исключительно дружеских отношений. И только.

– Отлично, – со странной смесью облегчения и лёгкого разочарования протянул ей в след Егор. – Вот и договорились.

Макар, невинно улынувшись, припустился уже вслед за Яной, но был тут же остановлен усмешкой Егора:

– Не так быстро, братишка.

В руки ему впахнули самые тяжёлые пакеты с бутылками воды. И Макар вмиг поник. Егор же наоборот загорелся. Ведь, несмотря на то что Яна, похоже, что-то знала о его тайне, безгливости ни в её взгляде, ни в словах он пока не заметил. Может, и откроется он ей ещё. Может, даже до того, как впервые простит.

Глава 3. Наш человек

Все опасения Егора по поводу полученного наследства, возможных неприятностей из-за него и собственных непростых особенностей, мигом развеялись, стоило машине Яны припарковаться у ворот того самого наследства. Ведь сколько Егор сам себя не дёргал и не накручивал всю дорогу от города до Княжево, ожидая увидеть нечто мрачное и злое, его новый дом оказался совершенно обыкновенным.

Утонувший в изумруде уютного вишнёвого сада, обшитый деревянными реечками, выкрашенными в бежевый цвет, он нисколько не походил на недоброе строение. Железная крыша его стремилась в безоблачную высь, сверкая на солнце блестящим коньком. Три небольших окна встречали гостей весёлыми ярко-салатовыми наличниками в резных узорах.

Толкнув калитку из тёмно-зелёных штакетин, Егор первым вошёл в теперь уже свой двор. Через пару секунд пакеты со всем необходимым на первое время были пристроены у подножия высокого крыльца, а сам он принялся возиться с навесным замком на дощатой двери, который никак не поддавался ему.

Макар хотел встрять с советом, как именно справиться с замком – он-то в деревне с дедом провёл не одно лето. Но хмурый взгляд Егора спутал и без того несвязные мысли друга и остановил его растерянного в метре от крыльца.

Яна не мешала вовсе. Присев на скамейку в тени дровяника, она наблюдала за происходящим с лёгкой улыбкой на губах. То, что Егор закоренелый горожанин, и в деревенский дом пытался попасть самостоятельно впервые, не укрылось от неё. Да он даже не сразу сообразил в какую сторону калитка открывается, так чего удивляться, что ключ в замочную скважину в третий раз подряд вставляет неправильно. Но вступать с наставлениями она не стала. Хозяин, значит, хозяин, на то была воля ушедшей Анны Гавриловны – она уж точно знала, что делала. И кому.

А вдруг бабушка при жизни ошиблась на его счет? И что будет, если он сейчас даже в таком простом деле не разберется? Сможет ли позже справиться со всем этим хозяйством самостоятельно? Ещё большой вопрос. Безусловно, всегда есть выход. К примеру, можно взять и продать полученное имущество и навсегда забыть об этом проблемном месте. Но это было бы обидно. Особенно Яне.

Замок не поддавался хозяйской руке и словно отказывался признавать нового владельца. И, возможно, стоило попросить о помощи как раз хорошенькую новую знакомую, но Егор снова молчал. Он злился на Макара, который нетерпеливо шаркал по траве за спиной, то и дело поправляя растрепавшиеся тёмные волосы. Злился на Яну, что удобно устроилась на лавочке у сарайчика и болтала ногами, совсем как маленькая. И на себя за то, что никак не мог справиться с обычным запором – и молчал. Молчал ровно до тех пор, пока под очередным упрямым натиском его руки замок всё же уступил, звонко щелкнул напоследок, и выкинул вверх дужку, тут же признав себя побеждённым.

Егор довольно улыбнулся, вынул замок из металлической петли, снял накладку, толкнул дверь вперёд и победоносно двинулся внутрь. Но секунду спустя триумфальное шествие его было остановлено ударом макушки о низкий косяк.

– Ну, надо же, как гостеприимно тут у вас, – пропыхтел Егор в тёмный коридор, потирая ушибленный затылок. – Спасибо за тёплый приём. Я тоже рад нашему знакомству.

– Так ты, парнишка, отвесь поклон сперва, – раздался смешок за спиной.

Обернувшись, Егор удивлённо изогнул бровь – гостей в первые минуты приезда сюда он не ждал. Но кого интересовали его ожидания? Местных жителей, похоже, не слишком. Особенно невысокого мужчину, который, деловито убрав руки за спину, топтался на тропинке, ведущей к крыльцу. Его потёртые спортивные треники, обвисшие на коленках, норовили вот-

вот свалиться, а он снова и снова подтягивал их на выпирающий живот и кряхтел. Вот он справился со штанами и, тряхнув изрядно поредевшей шевелюрой, принялся раздавать важные советы:

– В дом, когда входят, голову склоняют. Не знал? Приветствие в дверях – знак уважения к хозяину. Эх, ты прям как не из Княжево.

– Так я и есть хозяин, – уточнил Егор, обдав незваного гостя холодком в лучших традициях безразличия. – И я не из Княжево.

– Ага, хозяин он, как же, – рассмеялся мужчина, довольно хлопнув себя ладонями по видимым бокам. – Здесь один хозяин. Хозяйка – Анна Гавриловна. А ты... ты так...

– Как – так? – насторожился Егор и осмотрительно, чтобы снова не хлопнуться головой о косяк, вышел на улицу.

– Наследник что ли? – хитро сощурился маленький глаза, спросил мужчина. – Самодур, стало быть.

– Да, – отрезал Егор, ещё надеясь, что разговор с незнакомцем на этом и завершится. – То есть, кто я, ещё раз?

Но нет. Тот важно скрестил руки на груди, напрочь позабыв о портках, которые вмиг сползли и только чудом задержались под его грузным животом, и, кисло скривившись, произнёс:

– Тоже колдун?

– Почему – тоже? – не понял намёка Егор.

– Что-то ты хлипковат, – мгновенно сменил тему визитёр, обходя крыльцо и оценивающе разглядывая Егора со всех сторон.

– А вы, я посмотрю, прямо богатырь, – уколол словечком Егор, окинув того не менее придирчивым прищуром.

– Ну не богатырь, конечно, – признал мужчина, обиженно поджав губы. – Но какая-никакая силушка имеется.

– И у меня имеется, – заявил Егор, гордо вскинув подбородок.

Как раз в эту секунду из коридора донёсся приглушённый звук – словно дверью резко хлопнули. По спине пробежал холодок, и Егор обернулся к Яне. Судя по её настороженному взгляду в сторону веранды, шум она услышала тоже, но в ответ на его безмолвный вопрос неуверенно пожала плечами.

– Точно имеется. Точно колдун. Вот только дом-то тебя не выпускает, наследник! – расхохотался мужчина, подловив собеседника на минутной растерянности. – Смотри, как надо!

По-свойски отпихнув Егора к стене, он чуть согнул ноги в коленях и, не опуская головы, проскользнул сквозь дверной проём в коридор. Секунда, и ловкач скаканул обратно. Он проделал так три раза, потряхивая плечами и ухмыляясь.

– Оп, оп, оп, – напевал он, пощёлкивая пальцами. – Видал, хозяин? Вот как мы могём! Учись, пока преподаём!

Подобные чудики Егору раньше не встречались. Одно словечко «могём» чего стоило, и невольно вызвало кривую ухмылку. И пока он собирался с мыслями, как бы повежливее, но при этом доходчивее ответить этому преподавателю и выдворить его прочь, тот всё нырял из коридора на крыльцо и обратно, несколько не наклоняясь и при этом не ударяясь о косяк. Наконец он остановился, чуть отдышался и, пригладив редкие волосы на макушке, бодро представился:

– Серж Комаров!

– Отлично, – понимающе кивнул Егор. – Это многое объясняет. Егор Кашевский.

У калитки заковыристо выругался Макар. Последние десять минут в разговоре он не участвовал вовсе. Пытался затащить во двор триммер, жизненно необходимый в деревне, с его

слов, для покоса травы на участке. Но Макар был бы не Макаром, если бы всё прошло гладко. И вот он нелепо застрял на входе, зацепившись рукоятью агрегата за штaketник.

– А чтобы с домом отношения сложились, нужно что? – загадочно пропел Серж, подняв указательный палец вверх.

– Просто войти, – логично предположил Егор, спрыгнул с крыльца и направился на выручку к Макару.

– Новоселье устроить! – провозгласил торжественно Серж, ни на шаг не отставая от собеседника. – И соседей пригласить. Стало быть меня. Вот я сейчас тебе такого компотика принесу – один глоток, и воспаришь! Сам делаю. Эксклюзив, так сказать. Только своим предлагаю. И ты, да, именно ты, Жорж, просто обязан оценить моё варево.

– Егор, – поправил он, не слишком довольный внезапно обрeтeнным прозвищем.

Протиснувшись между Макаром и калиткой, он рывком вытащил раскорячившийся в проходе аппарат из ловушки, и, впихнув его в руки другу, выразительно изогнул бровь и кивнул в сторону Сержа.

– Дядя Серёжа... – вклинился в разговор Макар, поняв намёк Егора: соседу пора вернуться к себе.

– И про тебя, Макарио, я тоже не забыл, – тотчас решительно перебил его Серж. – Как и всегда будет разбавленный один к одному.

– Так, – протянул Егор, сообразив куда повернул разговор, и, пока шёл к Яне, по-прежнему в одиночестве сидевшей в тенёчке, изложил свой план действий на ближайшее время: – Соберём. Принесёте. Оценю. Но давайте завтра. А то я ещё даже в дом не вошёл.

Но Сержа было не остановить:

– Да чего ждать-то, Жорж!

– Егор, – он вновь терпеливо напомнил своё имя и попутно указал Макару, который всё же справился с триммером, на дверь сарая рядом с лавочкой.

На этот раз тот оказался сообразительнее, кивнул, и, минуто спустя, триммер обрёл место жительства в дальнем углу именно этого сарая.

– Дядя Серёжа, – продолжил Макар, отряхнув руки, приобнял Сержа со спины и подтолкнул в сторону калитки. – Мы только приехали. Нам отдохнуть надо с дороги. А Егору – освоиться и...

– И огурцы! – словно не слыша его, самозабвенно продолжил Серж, тут же вернув себе и Макару прежнее направление движения. – Знаешь, какие огурцы моя сестра маринует? Высший пилотаж! Спорим, ты никогда такие не пробовал? «Вырви глаз» называются. Один раз попробуешь, всю жизнь помнить будешь. Они, огурцы-то, к компотику как раз впору будут.

– Блестяще, – с притворным энтузиазмом бросил Егор. – Я в предвкушении.

Поднявшись со скамейки, смахнув соринки с брюк и поправив голубоватый свитшот, Яна в пару секунд оказалась рядом с Егором и внезапно потянулась к его лицу. Он даже заволноваться или насторожиться не успел, как кончики их носов почти соприкоснулись, а её рука оказалась на его груди. Не дожидаясь от него ответного хода, она шепнула ему на ухо:

– Подыграй мне, Егор. Так мы его быстрее справядим.

Долго уговаривать его не пришлось. Расплывшись в довольной, но при этом совсем неискренней, как показалось Яне, улыбке, он в ответ приобнял её за талию и притянул к себе так близко, как только, видимо, позволила ему совесть. Примерно десять сантиметров он посчитал вполне приемлемым расстоянием между двумя взрослыми людьми в принципе на замышляющими ничего личного ни на сегодня, ни на будущее вообще. К «личному» Егор пока морально был не готов, да и Яна тоже. Особенно Яна.

– Вот тебе клюква, – огорчeнно пробормотал Серж, оперевшись взглядом в милующуюся парочку. И, вновь подтянув сползшее треники, скосил глаза на Макара. – Сдаётся мне, Макарио, мы тут лишние.

– Сам в шоке, – уязвлённо протянул Макар, состроив страдальческую гримасу.

Понял Макар, что они разыгрывают Сержа, чтобы тот скорее отправился домой, или обиделся, что друзья раньше не поставили его в известность о своих «отношениях», было не понять по его надутому лицу. Но выглядело это до того забавно, что Егор не удержался и тихо прыснул, уткнувшись носом Яне в плечо. Она в ответ погладила его по голове, насмешливо глядя то на так и не изменившееся расстояние между ними, то на покрасневшего Макара. Подобная шалость, инициатором которой стала она сама, начинала её забавлять. И тогда она решила пойти дальше – почему бы и нет:

– А ещё лучше согласись на вечеринку, Егор. Немного отдохнуть нам всем, думаю, пойдёт на пользу. К тому же, дядя Серёжа, он такой, не отстанет, пока компотом тебя не угостит. И огурцом.

– Серж, – тут же окликнул Егор гостя, который не прощаясь решил самоустраниться, дабы не мешать голубкам ворковать. – Мы будем рады вам, вашему компоту и огурцам у нас на ужине. Вы не заняты сегодня вечером?

– Вот это другое дело, соседка, – сразу оживился Серж, забавно подскочив на месте. – Наш человек, да, Януш?

– Ну, конечно, наш, дядя Серёжа, – кивнула Яна, так непринуждённо улыбаясь, что вмиг сбила Егора с толку. Ведь обнимая её, он видел в её глазах другое – нескрываемое недоверие. – Чей же ещё?

– Пойду тогда компотика отыщу погорячее, – совсем воспрял духом Серж и игриво подмигнул девушке.

Егор же, обрадованный избавлением от общества прилипчивого соседа, тактично покинул объятия Яны. И поблагодарив её за вовремя предложенную идею с поддельной влюблённой парочкой, вбежал на крыльцо. Проскочив дверь и двинувшись внутрь дома, он озорно щелкнул пальцами – получилось же войти без происшествий, кое-что и мы «могём», так сказать. Но он не учёл одного – в коридоре оказалось две низких двери. И секунду спустя макушка его была вновь болезненно ушиблена косяком. Только у него одного, Яна и Макар проскользнули внутрь без проблем. Последний даже застенчиво улыбнулся, сменив обиженное выражение лица на участливое, и похлопал Егора по плечу.

– И я рад вас видеть, – потирая уже дважды пострадавший затылок, пропыхтел Егор, глядя в потолок. – Я всё понял, честное слово. Я исправлюсь. Но давайте дальше без оплеух.

Глава 4. Воришки

Стоило Егору переступить порог в жилые комнаты, как он расплылся в счастливой улыбке – здесь оказалось невероятно уютно, светло и умиротворяюще.

Разделённый на две небольшие комнаты – кухня и зал – дом вовсе не казался тесным. Двустворчатая кипенная дверь между ними, пёстрые обои, выкрашенный в белый цвет потолок и простенькие занавески в мелкий цветочек на деревянных карнизах расширяли пространство вокруг.

Егор крутанулся на месте и, раскинув руки, довольно пропел:

– Мне тут нравится. Даже несмотря на подзатыльники в коридоре, нравится.

В стену была вделана чистая, побеленная галанка. За ней устроился старомодный шифоньер. С торца к нему льнула высокая металлическая кровать с грудой подушек и с вышитым подзором по низу покрывала. На изголовье её располагались металлические перекладины с полыми шариками, в которых запросто припрячешь мелкие вещицы. Справа от Егора – ещё две такие же.

– Чур та, что у окна – моя! – торжествующе заявил Макар.

Ловко проскользнув к выбранной кровати, он закинул на неё рюкзак, а потом и сам заскочил и плюхнулся в ворох подушек.

– Моя у шифоньера, – строго предупредила Яна из кухни. – Не занимать.

– Отлично. Мы нашли крайнего. Крайнего от двери – меня, – недовольно бросил друзьям Егор и принялся распаковывать вещи. – И почему я не удивлён?

На стол на крепких ножках посередине комнаты, который был накрыт скатертью с вышивкой, он отправил ноутбук. У большого состаренного зеркала на стене, обрамленного самодельными короткими шторами в сборку, на крючке пристроил ключи от городской квартиры, чтоб наверняка не потерять. Затейливые часы с кукушкой на стене между окнами, которые оказались нерабочими, трогать не стал. Не умел он обращаться с такими предметами. Пусть молчат пока. В правом дальнем углу, где ссутулился ламповый телевизор, накрытый узорчатой салфеткой, нашёл резную полку в два яруса и тут же заставил её привезёнными книгами.

– Парни, ну и где вы там пропали? – донеслось из задней. – Мне срочно нужны мужские руки.

В тесной кухоньке, куда Макар занёс пакеты с припасами, и где в согласии уживались простенький шкаф с посудой, скромных размеров обеденный стол и три табуретки, уже во всю хозяйничала Яна. Здесь же дремал кургузый холодильник, который она быстро привела в чувства, подключив к сети, и он тут же недовольно загудел, взбрыкнув на месте. В углу оказалась газовая плита с двумя конфорками, а у входной двери примитивный умывальник с эмалированной миской в раковине.

– Кстати, вот руки помыть с дороги было б нелишним, – назидательно произнёс Егор, и убрав ярко-оранжевую посудину на стол, схватил мыло из мыльницы, на всю открыл кран и с довольной улыбкой принялся за дело.

Но и тут его поджидали неприятности – ноги его тотчас оказались в луже. Он отскочил прочь, потряхивая мокрыми руками и ругаясь – лужа за ним. Спасён он был Яной, которая запрыгнула на порог, дотянулась до крана и перекрыла воду.

– Ну, Егор, ты чего, – рассмеялась она.

– Да что ж за день такой сегодня, – закатив глаза, простонал Егор.

– Да, Кашевский, это тебе не городская квартира, – рассмеялся Макар. – Но и плюсы есть – если ты решил заделаться нежитью типа водяного, то никого не затопишь.

– В доме и вода есть, и канализация, – объяснила Яна, брякнув блюдо обратно в раковину. – Вон там за шторкой душевая кабина. Еле уговорила баба Нюру её установить. Упёрлась и ни в какую на уступки не шла. Она женщина с характером была – не убедишь, если не по её что. Нет, и всё тут. Не нравилась ей моя идея с водопроводом. Я и так с ней, и эдак. Еле уговорила: напомнила ей, что ты, Егор, человек городской, и когда поселишься здесь, не слишком проникнешься отсутствием удобств. После она отступила. А вот рукомойник пришлось оставить как есть. По старинке. Тут баба Нюра была непреклонна.

– Понятно, – устало протянул Егор, потирая лоб.

– Вот смотри, под раковину ставят обычное ведро, – объяснила Яна, открыв небольшую дверку под умывальником. – Туда вода и стекает. Правда, следить надо, когда оно полное наливается – выносить на улицу. А если ведра временно нет, как сейчас, то в раковину тазик ставят.

– Отлично, – вздохнул Егор. – Я всё понял. Стиральная машина хотя бы имеется?

– Да, – уклончиво ответила Яна, из-за чего Егор насторожился. – Там, рядом с душевой кабиной стоит.

– Надеюсь, автомат, – предположил Егор, заглядывая за перегородку без двери. – Ну, или хотя бы полуавтомат. Тоже подойдёт.

Только и здесь его ожидал подвох. Агрегат советского образца больше напоминал обычную синюю бочку с крышкой, проводом и рифлёным шлангом на боку.

– Почти, – хмыкнула Яна. – Стирает сама, но воду греть придётся отдельно и наливать вручную. И отжимать тоже вручную: сверху устанавливают специальные валики.

– М, да... – разочарованно протянул Егор. – Редкостный аппарат. А я ведь до последнего надеялся, что прогресс добрался и до глубинки.

– Главное, Кашевский, что до глубинки добрались мы с тобой, – внезапно резюмировал Макар, жуя непонятно откуда выхваченный бутерброд с ветчиной и листом салата. – Вместе мы как следует встряхнём эту глушь и добавим такой перчинки в здешний колорит, что нас ещё долго не забудут.

– Вот об этом я больше всего и беспокоюсь, – подловил его на слове Егор, став сразу серьёзным и строгим. – Главное, нам не переборщить с острыми ощущениями, Макар. А то знаю я эти твои встряски – позору потом не оберёшься. Если ты в городе при людях под машины на проезжую часть бросаешься, то, что вытворишь тут, и представить опасаясь.

– Будь спокоен, Егор Евгеньевич, я же обещал быть паинькой – значит, так тому и быть, – хохотнув, парировал Макар. – У тебя теперь нет причин для волнений, поверь. Ни единой!

На этой оптимистичной ноте Макар крутанулся на месте, но неожиданно оступился. Он поскользнулся на не до конца вытертой луже и пока размахивал руками, чтобы поймать равновесие, выронил смартфон. Тот плюхнулся в посудину в раковине, жадно чмокнув её мокрое дно, а Макар впечатался плечом в косяк двери.

– Чёрт, только не это! – вскрикнул он и бросился спасать телефон, который Яна уже успела вытащить из болотца в миске. – Ну, всё, теперь отец мне точнее голову оторвёт. Да что ж такое-то. Говорю же, сглазили.

Глупое происшествие с Макаром в главной роли на мгновение ушло на второй план, стоило заиграть ритмичной мелодии на телефоны Яны, до этого дремавшего на холодильнике. Быстро вытерев руки о небольшое полотенце, она взяла его и, взглянув на экран, до того помрачнела, что Егор даже забеспокоился – не случилось ли чего плохого. Вмиг погасший взгляд Яны всего один раз скользнул и по его лицу, но и этого хватило, чтобы понять – её ожидает не самый душевный разговор. Он уже собрался спросить, нужна ли какая помощь, но Яна вовремя спохватилась, невесело улыбнулась и махнула рукой, мол, не важно, и выскочила в коридор.

Когда дверь за ней закрылась, Егор решил, что лучше сейчас её не трогать и не лезть с расспросами – захочет, сама откроется, нет – значит, нет. А так как в чужие дела нос совать он не любил, просто вернулся в разговор с другом-растяпой.

– Если бы так, Макар, – тяжело вздохнул Егор, уперевшись спиной в фанерную перегородку и скрестив руки на груди. – Возможно, я бы даже смог тебе однажды помочь со взглядом. Но тут другое – тут весьма безнадёжное ребячество.

– Серьёзно? – возмутился Макар. – Если б ты себя в обнимку с Яной сегодня со стороны увидел, то, уверен, не стал бы сейчас умничать. Кто из нас ещё больше безнадёжен, Кашевский. Уж точно не я, поверь. Одно дело мобилу не удержать в руках и совсем другое – симпатичную девчонку. Обидно, наверное, когда приходит горькое понимание, что не ты её сказочный принц. Уверен, даже больше, чем мне за увечья смартфона.

– Мы знакомы всего несколько часов – это была шутка, – поспешил уточнить Егор.

– Ну, конечно, – рассмеялся Макар. – Сказки будешь Яне рассказывать. Момент ещё предоставится, не сомневаюсь. Макару не надо. Макар тебя давно знает. Врать не твой конёк, Кашевский, даже не старайся переубедить меня. И особенно себя.

Приготовления к незапланированному новоселью заняли не так много времени, как подумалось Егору в первую минуту. Посиделки сразу решили провести на улице – лето, как-никак. За сараем нашёлся старенький стол и ещё одна лавочка. Для не желающих коротать вечер плечом к плечу с соседом вынесли табуретки. На расстеленной скатерти быстро организовали тарелки с бутербродами, аппетитной нарезкой из колбасы и сыра, фруктов и овощей. Графин с душистым вишнёвым компотом из погребца оказался в центре. Следом заняли места четыре тарелки и высокие стаканы, простенькие вилки, ножи и салфетки.

Пока Яна, неизвестно откуда доставшая раритетную на первый взгляд гирлянду, принялась развешивать её по стене сарая, Макар выкинул очередной номер. С невинным видом увинаясь с того края стола, где сам же и поставил селёдочницу с кусочками солёной рыбы, приправленную подсолнечным маслом и кольцами лука, он бесстыдно поворовывал икру. Через полчаса в растрате блюд вечера был обвинён и сам Егор – пока нёс на улицу кастрюлю с варёной круглой картошкой, посыпанной ароматным укропом, он закинул одну себе в рот.

– Ах вы, воришки, – упрекнула парней Яна, но почему-то именно Егору отвесила за хищение шуточный подзатыльник.

За что была им мгновенно скручена и придавлена спиной к дощатой двери сарая.

– Почему это мне одному в этом доме оплеухи прилетают? – наигранно серьёзно возмутился Егор, не выпуская её запястий, хотя она и попыталась дважды высвободиться. – Макар вон ещё и филе копчёной скумбрии стащил, и ничего: ходит себе и ухмыляется.

– Так он сам её и нарезал, – с усмешкой парировала Яна, внезапно подозрительно притихнув и больше не брыкаясь. – А ты в приготовлении ужина считай вообще не участвовал. Только мешался под ногами. И под руками.

– Вот как? – не уступал Егор, неотрывно глядя ей в глаза. – А то, что я единственный практически идеально нарезал хлеб, который – на минуточку – основательно крошился и не желал никому из вас поддаваться, не посчиталось участием в приготовлении ужина? Нечестно так, Яна, поступать. По справедливости...

Но ни о какой справедливости он высказаться так и не успел, потому что Яна оказалось на редкость ловкой. И всего пару секунд спустя выбралась из пут Егора, вцепилась ему в плечи и так резко крутанула, что он и понять ничего не успел, как сам оказался уткнутым носом в ту самую дверь, к которой теснил Яну. Сперва он рассмеялся. Но потом стало не до смеха – она так неудобно вывернула ему руку, что он охнул и сдавленно пропыхтел:

– Полегче, Яна. У меня кисть правая была не так давно сломана. Второй раз не хочу. Мне и в первый не понравилось с гипсом мучиться.

– На жалость давишь, да? – нисколько не проникнувшись возможным увечьем парня, принялась отчитывать его Яна. – Вот это как раз и есть – нечестно, Егор.

– Это ты на меня давишь, Яна, и ещё как, – совсем безжизненно простонал он и, шумно выдохнув, чуть повёл плечами, проверяя силу хватки соперницы.

– Не отпущу, – упёрлась она, тут же крепче сжав его запястья. – Будешь знать, как незаслуженно обижать и меня, и мои хозяйские старания.

– Так я и не обижал, – уверил он, уперевшись лбом в дверь и даже не пытаясь вырваться. – Пока. И вообще, я ж добрый, честное слово. Вот сама скоро увидишь.

– Да отпусти ты его, Яна, – насмешливо вернул Макар, как раз пробегая мимо с очередной тарелкой бутербродов с красной рыбой, в один из которых жадно впился зубами. И уже с полным ртом промямлил: – Егор у нас хороший. Правда, немного с придурью. Но там не так и много – допустимые отклонения от нормы. Я его давно знаю.

– Ну, спасибо, Макар, – бросил в друга упрёком Егор. – Отличная рекомендация. Умешь же ты вовремя поддержать.

– Ещё как увижу, не сомневайся, Егор. И отклонения тоже. А с рукой-то что? – всё же смягчилась Яна и, отпустив его, чуть отстранилась. – Когда покалечился?

Уткнувшись плечом в косяк, Егор принялся растирать затёкшую ладонь и, скосив на Яну, стоящую вплотную к нему, хитрющие глаза, внезапно выдал:

– В девятом классе. На физкультуре упал неудачно.

– В девятом? В пятнадцать что ли? – рассмеялась она. И вдруг ни с того ни с сего, пригладив его растрепавшиеся на ветру русые волосы, поинтересовалась: – А сейчас тебе сколько, мальчик, если не секрет? С виду ты прилично так повзрослел и возмужал.

– Двадцать пять, а что? – многозначительно изогнув левую бровь, натянуто улыбнулся Егор.

– Так и знала, что симулируешь, – вмиг набросилась на него с неодобрениями Яна. – Через десять лет после травмы, и всё ещё болит. Вот и верь после этого людям.

Прижавшись спиной к двери и больше не тормоза занывшую руку, Егор слегка склонил голову набок и, продолжая криво улыбаться, тут же подловил собеседницу на слове:

– Я не сказал, что болит. Попросил, быть осторожнее. Нежнее, так сказать.

– Нежнее? – поразилась Яна. – Ты это серьёзно? Уж не чрезмерно ли многого ты хочешь для первого дня знакомства, Егор Кашевский? Может, тогда сразу в Загс? И фамилию удачно смену, а то Неярова мне уже оскомину набила.

– Нет, – вмиг сдал назад он. – К такому повороту событий я морально не готов.

– А что так? – едко хмыкнула Яна. – Я для тебя недостаточно хороша? Не подхожу тебе?

– Это я тебе не подхожу, Яна, – мгновенно став чересчур серьёзным, ответил Егор. – Я же всё прекрасно вижу в твоём насмехающемся взгляде: не заслужил, не завоевал, не добился. Не играй со мной, ладно? Не стоит. Как по мне, то в отношениях всё должно быть по-настоящему: обоюдно, всерьёз и непременно надолго. Или никак.

– Я тебя услышала, Егор, – кивнула она, ещё чуть дальше отстраняясь от него, но по-прежнему не слишком торопясь сокращать непонятно когда и куда девавшееся расстояние между ними. – Тогда уж точно никак. К мифическому по моему мнению «всерьёз» именно сейчас морально не готова я. А в несбыточное «надолго» вообще не верю. Но вот тебе...

– Вот тебе и клюква! – раздался у калитки удивлённый возглас Сержа, а потом возник и он сам. – Жорж, Януш, вы чего там мнётесь на пару? Как дети малые, честное слово! Дверь в дровяник на себя открывается!

Глава 5. Новоселье

Как и обещал, Серж явился на новоселье не с пустыми руками, а с двумя трёхлитровыми банками – одна с маринованными огурцами, вторая – с мутно-розовым напитком.

На предложение отведать компотика, который Серж разлил каждому по стакану, Егор сперва ответил отказом. Но сосед проявил себя невероятно настойчивым. И глядя на Макара, который самозабвенно цедил свой разбавленный «один к одному», и Яну, вполне спокойно уgomонившую сразу половину порции, Егор решился на один маленький глоток. Алкоголь он употреблял крайне редко и крайне мало, и без того мерещилось всякое. Ну, раз уж новоселье, один раз позволил себе пригубить, а зря. Ведь питьё это оказалось вовсе не тем, чем ожидал Егор, рассчитывая на обычное молодое вино. А чем-то настолько противным, хоть и вишнёвым, с пузырьками, крепким и зверски продирающим нутро, что он от одного хлебка задохнулся. Серж тут же поспешил к нему на помощь, немедля впихнув соседу в руку хваленый огурец сестры. Егор тотчас заел им пресловутое пойло. И в этом-то и была его главная промашка в этот вечер. Потому что фраза Сержа, обронённая ещё при знакомстве, про «вырви глаз» оказалась ничуть не преувеличенной. Какой там «вырви глаз», у Егора перекошились не только глаза от переизбытка солёного и кислого, да ещё и с душком затхлого рассола, а вообще всё лицо. Он поперхнулся, но миг был спасён всё тем же Сержем. Тот сунул покрасневшему от кашля парню стакан – запить треклятый огурец. Егор осушил его залпом. И лишь после пришло понимание: Серж его подловил, а он попался и выпил приличную порцию этой ущербней домашней настойки.

И тут-то настоящее новоселье и понеслось. Сначала они все вместе долго и невпопад горланили песни популярных в начале двухтысячных групп, особенно сильно надрываясь под душщипательные композиции. Потом долго смеялись над своими не слишком завидными вокальными данными. Вдогонку подключили смартфон Яны к умной колонке, и под песни тех же исполнителей, но бодрые и в оригинале, с огоньком отплясывали.

Дальше Егор – пусть и смутно, но ещё понимал, что делал, – неуклюже топтался с Яной в медленном танце под особо пробирающие напевы о несчастной любви, обнимая её за талию и всё крепче прижимая к себе. И хотя его смелость всё больше и больше набирала обороты, далеко зайти так и не вышло. Потому что Серж, вытанцовывавший рядом что-то сильно смахивающее на покалеченное электро, одним деревянным движением пятой точки разбил их пару.

Когда же Макар, самозабвенно круживший по сумрачной поляне в обнимку с пустой трёхлитровой банкой, подхватил Егора под локоть и потащил обратно к столу, память ему окончательно отказала. И как-то совсем уж внезапно он очнулся, клюнув носом, где-то в середине беседы друзей, начало которой он не помнил вообще. Он потёр лицо, возвращая себе здравомыслие – получалось пока плохо.

– А баба Нюра, она та ещё озорница была, – послышалась заплетающаяся речь Сержа.

Оказалось, что Егор сидел на лавочке позади Яны, приобняв за её талию и уютно пристроив голову у неё на плече. Как так вышло, что его снова не скрутили и не уткнули лбом в дверь сарая, он не представлял, но пока его всё более чем устраивало. На него оказалась накинута выдавшая виды олимпийка, но где и когда он её нашёл и тем более надел, не вспомнил, как ни старался. А напротив него на табуретках устроились чуть больше, чем слегка окосевшие, Серж и Макар.

– Издевалась она над дедом моим, – подперев рукой подбородок, пробубнил Серж.

Локоть его левой руки то и дело соскальзывал со стола, и лицо Сержа съезжало с его же ладони. Но он не сдавался и каждый раз возвращал изрядно разомлевшую физиономию на место.

– Всё зубные боли ему насылала, – продолжил он, наставительно подняв указательный палец. – Вот, как сейчас, помню, ни с того, ни с сего начинали у деда зубы болеть. Бабка разозлится, бывало. «Нюрка, – кричит, – А ну отпусти Митьку моего». А баба Нюра только смеётся: «А я его в плен и не брала. Пусть уходит». Полчаса проходит, дед как новенький. Вот как понимать, а?

Ярко сияющие в ночи разноцветными огнями лампочки старенькой гирлянды озорно мигали то все вместе, то по очереди, то на несколько секунд гасли совсем. И Егору казалось, что его сознание ведёт себя так же, как бы он ни бодрился.

– Да это всё выдумки, дядя Серёжа, – добродушно рассмеялся Макар и неуклюже отодвинулся от стола, буксуя по земле скрипучими ножками стула. – Ваш дед, наверное, часто ссорился с бабой Нурой, а когда зубы начинали болеть, думал, что это она ему наслала порчу, и всем подряд рассказывал. Байка деревенская, не иначе. Легенда.

– Выдумки, говоришь, – насупился Серж. – Байка, значит. Легенда, ага. А Демоны, может, тоже выдумка?

– Что ещё за... – зябко поведя плечами, вмешался в разговор Егор, но его присутствие словно не заметили.

– Ну, Демоны, – хмыкнул Макар, и его брови насмешливо взлетели вверх. – Вы ещё ужастики про Гиблый сад расскажите, где старые яблони одичали без человека, обозлились, что их бросили, и теперь подстерегают незваных гостей, хватают их уродливыми сучками и тут же протыкают насквозь. Или про Барский парк, который якобы проклят ещё до революции самой барыней. И один раз в год выбирает в качестве жертвоприношения лично для себя молодого парня и забирает его жизнь. Глупые страшилки, которые рассказывают именно парни девчонкам ночью у костра в глубине этого самого парка – сказки для трёхлетних детей. Бабайку ещё вспомните, та же тема.

– Бабайку я лично не встречал, – с неожиданным сожалением ответил Серж. – Пока. А Демоны эти были на самом деле!

– Демоны? – настороженно переспросил Егор и, не без усилий выпустив из объятий Яну, приблизился к столу. – Что ещё за Демоны?

– Вот это всем вопросам вопрос! – почесав лысеющий затылок, возликовал Серж. – Ты разве не знаешь? Ты как не из Княжево. А, так ты же не местный, забыл я. Так вот, Демоны эти – шайка местных гулён. И прозвище такое они неслучайно получили. В своё время они бесновались по полной программе – всё село держали в страхе из-за постоянных хулиганских проделок, дебоширства, драк между собой и с городскими, ежедневного пьянства. И допрыгались они в итоге до убийства своего же главаря, так сказать. И хотя милиция тогда – во время следствия – так и не нашла доказательств их причастности к тому делу, и ни один из них не попал в тюрьму, мало кто из местных жителей верил им и в их невиновность.

– Когда – тогда? – переспросил Егор, стараясь сохранять невозмутимость и в голосе, и во взгляде.

Но, по тому, как резко Яна обернулась и настороженно глянула на него, стало ясно, что попытка проявить бесстрастность провалилась. Тогда он взял со стола непонятно чей стакан с недопитым томатным соком, отхлебнул немного и продолжил мысль:

– К какому ещё делу?

– Шестеро их было, – шумно потеряв ладони, заговорщически продолжил Серж. – Толяна по кличке Зноб они за что-то все вместе удавили. А когда стемнело, притащили его тело на поле и бросили в свежую борозду. Думали, запашут его, – в это время как раз посевная шла, – и всё на том. Пропал Толян без вести, исчез, сбежал от жены с ребёнком в город в другую жизнь. Бывало же такое? Бывало, и не раз. А тракторист, который в ту ночь работал, вдруг возьми и...

– Никто здесь уже не верит в старые сказки про Демонов, – резко перебил его Макар, с размаху хлопнув ладонью по столу.

Серж застыл на полуслове. Егор с Яной непонимающе переглянулись. После повисла тишина, не нарушаемая даже стрекотанием кузнечиков. Но пару секунд спустя её прервал пронзительный возглас из темноты со стороны калитки:

– Ах, вот ты где, никчёмный бродяга!

Едва Егор обернулся, как тут же поперхнулся соком и закашлялся. Он глазам не поверил: за воротами стояла та самая чересчур броская в макияже Елена Дмитриевна Юрчук. Да ладно! Ну, нет, это уже было за гранью его вменяемости на сегодня. На всякий случай он ущипнул себя за руку – оказалось больно, да и Юрчук так никуда и не делась. Наоборот, по-свойски распахнув калитку, Елена Дмитриевна вкатилась во двор, несмотря на её солидные габариты и опасения Егора по поводу сохранности штaketника, и добралась до их изрядно захмелевшей компании.

– Где я? – сразу засуетился Серж, ловким броском настиг банку с остатками компота на краю стола и, припрятав её за спиной, незаметно отправил на землю. – Здесь я.

– Чего забыл у Егора Евгеньевича? Доброго вечерка, вам, уважаемые! – кивнув в сторону Егора, поинтересовалась она. Потом с новой силой накинулась на Сержа: – Опять горькой балуешься, Комаров?

– Ага, с тобой побалуешься, Ела, – задиристо выдал он, резким движением взболтнув в стакане будоражащее и тело, и дух питьё. – Компот у меня. Компот. Вот, сама смотри.

– Будь добр, Серёженька, дай-ка мне компотика из твоей посуды, – на удивление приветливо нараспев протянула Елена. – Я пить как раз захотела с дороги, сил нет.

– Не дам! – насупился он, крепко обхватив стопку и прижав её к груди.

– Давай, пока я добрая, – внезапно сменив милость на гнев, предостерегла она, грозя указательным пальцем.

– Ага, добрая она, как же, – уморительно скорчив помятое лицо, оборонялся от нападок Серж. – Он кислый. Забродил он.

– Забродил? – возмутилась Юрчук, уперев руки в бока и опасно склонившись над Сержем. – Это ты снова забродил, Комаров! Уж сколько лет ты всё бродишь и бродишь, бродишь и бродишь! Да без толку!

– Ну, вот я и добавляю градусов по чуть-чуть, чтоб дозреть, – авторитетно резюмировал он, бесстрашно глядя на неё, значительно превосходящую его размерами, снизу вверх.

– Дозреть, значит, – понимающе кивнула Юрчук.

– Ага, – поддакнул он.

– Сейчас ты у меня дозреешь, фрукт недоделанный, – многозначительно предрекла ему скорую спелость Елена Дмитриевна и потянулась к его макушке.

– Тут люди, Ела, оглянись, – внезапно укорил её Серж, заставив на миг замереть, обведя всех присутствующих выразительным взглядом. – Чего позоришь старшего брата?

– Это ты позор семьи нашей, Комаров, а я – гордость! – важно заявила она во всеуслышание. – Я – Юрчук!

– Давно ли, ты, Юрчук, – прыснул Серж.

И тут же примолк, стоило пышногрудой сестре выхватить стакан «компота» из его руки и махом осушить его. И глазом не моргнуть. И не поморщиться.

– Точно дозрел, – пару секунд спустя пропыхтела Юрчук, отправив вдогонку за градусами бутерброд с ветчиной. – Не обманул, охламон.

Комаров печально вздохнул и сник.

– И что это ещё за «Ела» такая? – проямлила она, присаживаясь на край лавки рядом с Яной прямоком напротив брата. – Не ты ль меня недавно Лялей называл?

– Ты под Лялю больше габаритами не подходишь, – обиженно пробормотал Серж, расстроенно поглядывая на осиротившую без винишка посудину.

– Чего? – вскинув недобрый взгляд, переспросила она.

– Того! – в тон ей парировал Серж. – Лялю ты давно переросла, говорю. Вширь. Ты её переела. Поэтому «Ела» тебе подходит идеально.

– «Ела», стало быть, – с чувством потирая ладони, отозвалась Елена.

– Она самая, – нервно усмехнувшись, кивнул Серж.

– Переросла, говоришь, – продолжила она.

– Вширь, – напомнил Серж.

– А давай-ка, Серёженька, мы с тобой дома эту беседу продолжим, – мелодично-издевательски пропела Елена, медленно поднимаясь. – Прямо сейчас.

– Зачем это? – напряжённо сверля Юрчук взглядом, осведомился Серж. – Тута и продолжай.

– «Тута» я за здоровье Егора Евгеньевича переживаю, – со смешком резюмировала она и, забрав у брата вилку с насаженным на неё кусочком селёдки, отправила её в рот.

– Беспкоишься, что твои глубочайшие познания в матах лишат Жоржа рассудка? – подрезал её Серж, так проворно вернув себе и вилку, и закуску, что Елена и опомниться не успела, как тот уже дожёвывал нехитрый деликатес.

– Скорее, это сделает твой компот, – укорила его сестра, деловито скрестив руки на груди. – Уже сделал. Да, Егор Евгеньевич? Вон бледный какой сидите. Плохо вам?

– Мне хорошо, – тут же опроверг её предположения Егор. – Как никогда раньше, не поверите. Сперва я всё, о чём вы мне говорили, оценил: и сортир почти в жутком с виду парке. И допотопную, вернее, раритетную обстановку в доме. И свежий воздух, особенно, когда при въезде в Княжево свинарники встретили – прям проникся ароматами, честно слово. До воды в колодце на соседней улице пока не добрался, ничего не скажу, но исправлюсь, обещаю. Потом, значит, компотом побаловался. Но вершиной всего для меня стали огурцы вашего, Елена-светвы-наше-Дмитриевна, приготовления – ничего подобного в жизни я не пробовал. И очень надеюсь, что никогда больше...

Договорить он не успел, потому что был рывком притянут Яной к ней самой вплотную. Когда же он увидел её выразительно округлившиеся глаза, безмолвно кричащие: «Замолчи уже, или нам всем конец!», неожиданно широко улыбнулся и закончил начатое:

– ... Ни одно застолье в нашем доме не пройдёт без вас и ваших ядрёных разносолов!

– А это уже тост! – подхватил мысль Серж, подсакивая на месте с двумя наполненными стаканами. Один из них предназначался сестре. – За бодрящие разносолы!

– Умеете же вы, Егор Евгеньевич, угодить даме, – растроганно шмыгнула носом Юрчук, присаживаясь на место. – Сразу видно, интеллигентный молодой человек. Я это поняла, ещё когда мы с вами наследство оформляли. Помнится, в первый раз вы с ещё с вашими представительными родителями приходили. Так и быть, занесу вам завтра с утра и компотика для похмелья, и огуречиков баночку. Ваше здоровье!

Здоровья Егору не помешало бы. Непременно крепкого и цветущего. Желательно завтра с утра пораньше. На что, он, зная себя, не слишком рассчитывал. Особенно после того, как пару раз запнулся ногой в траве и чуть не упал, когда они с друзьями спроваживали гостей домой. Причём хорошо захмелевшие брат с сестрой даже не передрались. Хотя всё к тому и шло.

– Ну и что тракторист-то сделал? – спросил Егор, когда калитка за семейством Комаровых-Юрчук закрылась, и ребята направились к столу, собирать посуду.

Компот Сержа более-менее отпустил его лишь к финальным аккордам вечеринки. И хотя даже сейчас в голове было немного мутно, – и не только в голове, если уж честно, – в целом и понимать, и мыслить он уже мог. Да уж, и как он умудрился допустить такой промах – глупо нализаться в первый же вечер пребывания на новом месте. Хорошо ещё, что ни одна заблудшая душа не заглянула к нему на аудиенцию. Иначе тогда уж ему никакими правдами не удалось бы доказать собственную вменяемость.

– Какой тракторист? – опомнился Макар, став вдруг чересчур бледным, неуклюже собирая со стола вилки, то и дело бряцая ими по тарелкам. Компот имел и для его здоровья не лучшие последствия. Даже после завершения посиделок. Даже один к одному.

– Там запутанная история какая-то, – пожалала плечами Яна, самая бодрая и здравомыслящая из друзей, складывая кружки во вместительный эмалированный таз. – Точно не знаю. Да и дело было лет сорок назад, не меньше. Может, и неправда всё это. Выдумка, чтобы людей от тогда ещё совхозного сада отпугивать – в те времена местные жители частенько яблоки воровали.

Егор улыбнулся: с детства привык ставить посуду в раковину, а тут в таз. Он уже собрался пошутить на эту тему, подняв на Яну насмешливые глаза, как вдруг гирлянда на стене сарая, мигающая разноцветными огнями, и лампочка над входной дверью погасли.

Замерев на месте, Егор покрутил головой и понял, что не только их дом, но и вся деревня погрузились во тьму. Когда же слева от него взволнованно ойкнул Макар, он взял себя в руки и, нашарив рядом с собой плечо Яны, спросил:

– В чём дело, Ян?

– Свет отключили, – спокойно пояснила она, неожиданно присев и что-то ища под лавочкой в потёмках. – Не заметил?

– Это я заметил, – недовольно проворчал Егор. – У меня есть небольшие проблемы со зрением. Думаю, ты уже усмотрела, что я часто прищуриваюсь. Даже несмотря на то, что давно ношу линзы, всё равно шурюсь. Но всё это, к счастью, не делает меня безнадежным слепцом или глупцом. Впредь, пожалуйста, постарайся не вешать на меня ярлык тупоголового, потому что это не так.

– Я ничего на тебя не вешала, – возмутилась из темноты Яна, а потом внезапно включила ручной фонарик, и луч его свет ударил Егору в лицо.

Ослеплённый, он шарахнулся назад, чуть не кувыркнувшись через лавочку, но устоял, вовремя уперевшись ладонью в стену сарая. В эту секунду снова вспыхнула и замельтешила огнями гирлянда. И лампочка над дверью зажглась. И всё Княжево ожило.

– Извини, – первой опомнилась Яна, гася фонарик и убирая его в карман простенькой ветровки. – Я не нарочно.

– Ну, конечно же, нет, – зло процедил Егор, растирая глаза рукой.

– Ребята, вы чего, – примирительно заговорил Макар. – Не ссорьтесь, ну, пожалуйста.

– Ладно, – внезапно согласился Егор, резко выпрямившись, и глянул на поджавшую губы Яну очень даже дружелюбно. – Не нарочно, так не нарочно.

Ругаться он не собирался ни сегодня, ни вообще. Конфликты старался сводить на нет или искать компромиссы при первых же тревожных звонках. Тем более было с кого пример брать: его родители как раз славились мастерами взаимных уступок как в семье, так и в работе. Просто Егор вымотался за сегодня. Просто голова трещала то ли от мерзкого вина, то ли от перебранки Комаровых, то ли и от того, и от другого в совокупности. Просто протянул Яне руку и предложил:

– Мир?

– Мир, – с заметным облечением выдохнула она и, нерешительно улыбувшись, вложила свою ладонь в его.

Конечно, Яна сглупила, вот запросто пошутив с человеком, не зная о нём практически ничего. Она сразу пожалела о подначке, но назад сказанного было уже не вернуть. Даже отчего-то подумалось, что никакого дальнейшего общения между ними не сложится – уж больно тон его обиженного голоса походил на тон бабы Нюры при жизни, а та чёрствой становилась в такие моменты и словно бездушной. Поэтому, когда Егор внезапно предложил мир, у Яны от сердца отлегло. А когда продолжил интересоваться Демонами, неся вместе с Макаром последние тарелки в дом, она совсем успокоилась и торопливо нырнула в коридор. Ведь оказаться

первой в душевой после столь насыщенного событиями и эмоциями дня, было для неё бесценно.

– А какая связь между Гиблым садом и Демонами? – вернулся в прерванный разговор Егор.

Вновь замигало освещение и на пару секунд погасло у порога в жилые комнаты. Справа что-то протяжно скрипнуло, но как только свет зажегся, звук неестественно резко оборвался. Егор искоса глянул в сторону, откуда почудился шум. Взглядом он наткнулся на дощатую дверь, выкрашенную коричневой эмалью. Что там, Егор не знал. Может, ещё коридор, или ещё веранда, но сейчас проверять не решился. Деревянную вертушку, которая служила запором, похоже, сквозняком сдвинуло, и дверь зловеще осклабилась чёрным беззубым ртом, словно кто-то оттуда, из мрака, подглядывал за гуляками и насмехался над ними.

– Так там вроде и убили, – робко проговорил Макар и влетел в кухню, не оглядываясь, и тут же захлопнул дверь.

Свет снова моргнул пару раз, раздражая и вызывая головокружение, а потом погас вовсе, и Егор остался один. Стало тихо. Так тихо, что нервы не выдержали напряжения и натянулись тугой струной, готовой в любую секунду лопнуть. Что именно его беспокоило, понять так и смог, сколько ни пялился в темноту. Ведь самой темноты он давно не боялся.

Когда же скрип повторился, лампочка вновь зажглась, судорожно мигая, словно напряжения не хватало. Но в и в тусклом мелькании Егор ничего подозрительного так и не заметил. И никого. Потому махнув на произошедшее рукой и решив разобраться во всём завтра, вошёл в кухню.

– А та самая пашня, как я понимаю, за садом была, – беззаботно продолжил Макар, уже успевший оказаться за столом, и отпил кружки чай.

– Или, может, ты путаешь что-то, – засомневалась Яна и, выглянув из-за перегородки, где таились душевая с допотопной стиральной машиной, взбила рукой влажные волосы. – Давайте, завтра у Сержа все подробности узнаем?

Егор в ответ кивнул, а Макар, затолкав в рот последний недоеденный на вечеринке бутерброд с красной рыбой, неразборчиво промямлил:

– Не возражаю. Только, Кашевский, отключи эту свою рациональную функцию «жаворонок» хотя бы на одно утро. Молю!

Глава 6. Тебя не тронет

Сон всё не шёл. Егор вот уже час пытался забыться в полумраке комнаты под толстым одеялом, которое натянул на нос – но без толку. Мешал и жёлтый свет уличного фонаря под окном, и гудение холодильника из кухни, и капанье воды из крана умывальника в миску в раковине, и сопение Яны в дальнем углу. И особенно нескончаемая возня Макара на соседней кровати.

Егор жутко устал сегодня. Гудели ноги, ломила поясница и голова так болела, что хоть на стену лезь, но глаза никак не желали закрываться и всё тарасились в почти невидимый потолок. И когда он всё-таки задремал, послышался шёпот Макара:

– Яна? Яна, ты спишь?

– Нет, Макар, – сонно пробормотала Яна. – Уже нет.

– Яна, я вот спросить хотел, – заныл он. – Баба Нюра... Она, где умерла?

– Макар! – предупреждаяще шикнул Егор, отбросив одеяло от лица. – Ну, может, хватит уже тоску нагонять! Ночь за окном. Давай спать, пожалуйста!

– Яна, – не унимался Макар, не слушая недовольств друга.

– Что? – тихо отозвалась Яна.

– Баба Нюра... Она... – замылся Макар. – Она на моей кровати умерла?

– Нет, – ответила Яна.

– На твоей? – вырвалось у него. – Яна, не молчи. На твоей?

– Нет, не на моей, – уронила она.

– На кровати Егора? – взволнованно продолжил Макар.

– Нет.

– А на чьей тогда? – встревожено выдохнул он и тут же прикусил угол пододеяльника.

– Ни на чьей, – успокоила его Яна. – Баба Нюра в саду умерла.

– Отлично, – процедил Егор. – Мы выяснили главное. А теперь, Макар, спи.

Повисла тишина. Сколько она продлилась, Егор так и не понял – дремота вернулась, как только голоса угасли, но отключиться ему снова не удалось.

– Яна, а, может, свет на кухне включим? – заговорщически прошептал Макар, надеясь, что друг всё же отошёл ко сну и не слышит.

– А может, Макар, мы уже просто поспим! – вскинулся Егор и тотчас схватился за голову.

– Зачем свет? – спросила Яна, приподнимаясь в постели и кутаясь в плед.

– А вдруг... – шмыгнул носом Макар. – Вдруг баба Нюра придёт ночью и...

– Макар, она умерла полгода назад, – зло прошипел Егор и сел в кровати. – Она больше никогда не придёт. Никогда, понимаешь?

– А если придёт? – не верил ему Макар. – И меня заберёт. Не все уходят после смерти, я точно знаю.

– Макар, тебе уже двадцать, – выговорил ему Егор. – Мёртвые не возвращаются. И забрать никого не могут. Прекрати нести чушь, пожалуйста!

– А если придёт? – не уступал он.

– Так твоя кровать дальше всех от двери, – зевнув в ладошку, пробубнила Яна. – Первого Егора заберёт, если что. Он ближе всех к выходу.

– Боюсь я, – выдохнул Макар и сильнее вжался затылком в подушку. – Говорят, что баба Нюра ловила души умерших людей и сжигала их в адском пламени.

– Кого сжигала? – насторожился Егор. – Умерших людей?

– Души, – уточнил Макар и тут же снова шмыгнул носом.

– Так, то души мёртвых, а ты живой, – успокоил его Егор. – Твою не тронет. И тебя не тронет тоже.

– А вдруг она и душу живого человека умела испепелять? – предположил Макар. Никто не откликнулся на его жалостливое сопение, и он принялся за старое:

– Егор...

– Макар, – недобро перебил его именно Егор. – Ещё слово от тебя услышу, и сам тебя бабе Нюре отдам. Позову и отдам. Пусть жжёт.

– Не надо, – простонал он.

– Спи уже! – приказал Егор.

– Сплю, – уверил его Макар.

Тут Егор всё же забылся и, кажется, даже увидел сон, но запомнить его не смог, ведь спокойствие продлилось недолго.

– Яна, – снова слышался шёпот Макара.

Взбешённый невозможностью уснуть ночью в своём же доме, Егор рывком сел в постели. Он свесил ноги к полу и, ссутулившись, потёр глаза.

– Что? – шикнула в ответ Яна.

– А в саду, это где именно баба Нюра умерла? – завёл старую песню Макар. – У меня под окном, да?

– Макар, – предупреждаясь протянул Егор.

– А что, если она вокруг дома сейчас ходит и в окошки заглядывает? – будто не замечая намеков друга, продолжил Макар. – Слышите, шаркает кто-то по траве? Страшно мне. Давайте...

Терпеть его нитьё сил не осталось, Егор вскочил с кровати и тут же нырнул в тёмную кухню, где секунду спустя поскользнулся и, падая, ударился плечом об умывальник.

Громыхание эмалированного блюда и звон бьющегося стекла. После наступила тишина.

– Кашевский, – несмело позвал Макар. – Ты там живой? Тебя не забрали, правда?

– Да, чтоб тебя, – выругался Егор, в раскорячку поднимаясь с пола и при этом растирая ушибленную руку.

– Меня? – обречённо выдохнул Макар, натягивая одеяло на глаза. – Кто там, Кашевский? Баба Нюра?

– Огурец, – зло шикнул Егор. – Будь он неладен!

– Какой ещё огурец? – переполошился Макар.

– Огурец Сержа, – ответил Егор и, нашарив на стене выключатель, зажёл свет. – Он на полу лежал, а я поскользнулся на нём и головой умывальник почти пробил.

– Ты сам-то цел? – забеспокоилась Яна.

– Не уверен, – поморщился он, вваливаясь в зал и осторожно ощупывая правую бровь. – Синяка под глазом мне, похоже, не избежать.

– Ну, не зря же Серж сказал, что огурцы его сестры – вырви глаз, – заулыбалась Яна.

В ту же секунду на подушку Макара приземлилось склизкое нечто, а от двери, где замер Егор, раздался злобный смех.

– Фу, фу, фу, – заверещал он, брыкаясь под одеялом, как в припадке. – Мерзость какая... Кашевский, что это?

– Мой глаз, – скрежещем голосом процедил Егор и повернул голову в сторону друга. – Где мой глаз, Макарушка?

– Убери! – завопил перепуганный Макар. – Убери от меня это!

Егор шагнул вперёд и тотчас застыл на месте. Секунда, он снова шагнул.

– Верни мой глаз немедленно, Макарушка, иначе... – хищно прошипел он.

И тут, запрыгнув с места на свою кровать, он расплылся в шkodливой улыбке, схватил подушку и принялся лупить ею друга по спине и ногам, давясь от смеха.

– На помощь, Яна! – взмолился Макар. – Это не наш Егор. Это... она... Это и есть баба Нюра!

Яна, хохоча, выбралась из-под одеяла и пришла ему на выручку, швырнув в Егора скомканным пледом. Тот повержен не был, лишь немного отвлёкся от пищащей жертвы. Спрыгнув на пол, он подобрал плед и набросился и на Яну, тотчас замотав её в тугой кокон и повалив на постель. Она не сдавалась и, смеясь в голос, изворачивалась в его руках. Когда же Егор выдохся и, тяжело дыша, повалился рядом с девушкой, она тут же приподнялась на локтях и, без стеснения разглядывая его лицо, усмешкой бросила:

– Баба Нюра, ты ли это?

– Я, – кивнул он. – За Макарушкой вот пришла. Заберу я его, ты не против?

– Забирай, – одобрила Яна, с трудом сдерживая смех. – Чего уж там.

– Очень смешно, – обиженно пропыхтел из своего угла Макар. – Предатели.

Он, насупившись, сидел на кровати, свесив длинные ноги к полу, и вертел в руках огурец, которым бросила в него лже-баба Нюра вместо собственного глаза.

– Извини, – отозвался Егор, выбираясь из объятий Яны. – Не удержался я. Если бы только своё лицо видел, когда овощ к тебе прилетел.

– Да ну вас! – надулся Макар, больше и бровью не поведя в сторону друзей.

Манерно швырнув огурец в центр комнаты, он завалился на левый бок, уткнулся носом в стену и ни слова больше не проронил.

Да, глупо как-то всё вышло. Зато очень даже весело. Пожалуй, эта была лучшая минута за весь вечер после внезапной стычки с Яной. Но едва он подался назад, чтобы утихомирить ещё хихикающую девушку, как её ладони плавно соскользнули с его плеч на спину, пробежали меж лопаток, замерли на талии, и тут же сбили его с толку. Ни на чём другом он больше не смог сосредоточиться и вмиг потерялся. А когда нашёлся, Яна выталкивала его прочь, по-прежнему тепло улыбаясь. Отшатнувшись от её кровати, он с досадой щёлкнул пальцами и, не оборачиваясь, вернулся в свою постель.

– Давайте спать, – как можно равнодушнее сказал он, накрывшись одеялом с головой.

Никто из друзей не ответил, и Егора сморил желанный сон.

Но в ту самую секунду, когда забытье одолело живых, и голоса их стихли, завязали разговор мёртвые.

Глава 7. Они приходили ночью

– Шумят и шумят, – раздалось возмущённое ворчание у двери, и Егор очнулся. – Чего шумят, и сами не знают. Неугомонные. За полночь уже давно, а дому всё покоя нет. Нехорошо это, ох, нехорошо.

Внезапно Егора охватило оцепенение, но он быстро справился с ним и, приподнявшись на локтях, увидел, как в комнату вошла осанистая пожилая женщина. Она просеменила к ближайшему окну и, приподнявшись на цыпочки, задёрнула шторы, а секунду спустя, присела на край соседней кровати. Незваная гостья похлопала ладонью спящего Макара по ногам и рассмеялась:

– Вон как дрыхнет Макарушка-то, погляди Егор. Ему всё нипочём. Ни один нечистый его не унесёт, негодника: ни я, ни ты, ни кто другой.

Спина затекла. В висках стучала тупая боль. Дыхание сбилось. И, видимо, нужно было что-то ответить, но Егор снова молчал. Как заговорить с сущностью и, главное, о чём он не знал. То, что перед ним сущность, он не сомневался, ведь колкий морозный дух – их извечный спутник – уже заполнил переднюю.

Правда, внешне бабушка-призрак ничем не отличалась от живой, что удивило Егора – обычно к нему заглядывали жутковатые полутени. Невысокая и худощавая, задумчивые светло-серые глаза, мягкие черты лица, немногочисленные неглубокие морщинки, аккуратно уложенные волнистые седые волосы. Благородная старость, вот что крутилось в голове Егора, пока он рассматривал визитёршу. А она, тем временем, поднялась, одёрнула подол летнего платья в мелкий голубой цветок и поплелась к допотопным часам, что висели на стене у кровати Яны.

– Непорядок у тебя, Егор, – осуждающе выговорила ему женщина, покачав головой, и развела руками. – Ругаю тебя сегодня. Мало того, что ты в первый же день в Княжево запросто приобщился к местным Самодурам-выпивохам, так ещё и бедлам устроил: вещи горой по углам навалены, посуда немытая на столе осталась, огурцы по всей кухне разбросаны. И свет в ночи горит. Нехорошо это, ох нехорошо. После полуночи дом отдыхать должен. Неужели ты таких простых вещей до сих пор не заешь?

Со стороны происходящее могло показаться будничной беседой двух людей с огромной пропастью в возрасте, когда внук, противясь нравоучениям, не слушает наставлений ворчливой бабушки, если бы не посмертие между ними. По спине Егора пробежали мурашки.

– А часы? Часы почему стоят, Егор? – возмутилась она. – Время уважать надо.

Уютную тишину дремлющего зала нарушил короткий хрип – старушка потянула витую цепочку под ходиками, и тяжёлая гиря, похожая на еловую шишку, поползла вверх. Потом она тронула пальцами минутную стрелку на незастеклённом циферблате и повела её по кругу.

– Вот так правильно, – со значением произнесла она.

Когда та самая стрелка указала без десяти четыре, женщина легонько толкнула облупившийся кругляш маятника, и часы принялись отсчитывать мгновения уходящей ночи.

– Молчишь, – вздохнула женщина, развернувшись всем корпусом к собеседнику. – Снова ты молчишь, Егор. Они, как и раньше, приходят и говорят с тобой, а ты им ни слова.

Егор задиристо прищурился.

– Первый раз помнишь, когда пришли? – бесстрастно продолжила она. – Я вот помню. Тебе двенадцать было. Как сейчас вижу тот самый

день, когда ты ко мне приехал. Вернее, тебя родители привезли. Ты не спал совсем. Кричал, в истерике бился, словно полоумный. Так ведь?

– Угу, – буркнул он, всё же сев в постели, но из-под одеяла не выбрался. – Так.

Егор понуро смотрел в незашторенное окно у кровати посапывающей Яны. Он не хотел вспоминать ту тяжёлую ночь, когда впервые увидел в дверях своей комнаты женщину с тёмными провалами вместо глаз, носа и рта в разодранном в лохмотья чёрном платье в пол. Странно болтаясь на месте, словно в транс входила, она тянула к нему искалеченные в локтях тощие руки и всё молила о возможности рассказать о личной беде. А когда перепуганный до смерти мальчишка так и не смог выдать из себя ни единого звука в ответ, разразилась такими страшными проклятиями, что с ним случился истерический припадок. Родители бросились на помощь, и, как смогли, помогли сыну прийти в себя, отпоив успокоительным.

Но на этом жуть для него не закончилась. Она росла и крепла с каждой новой ночью и новым гостем «оттуда» до того самого дня, пока однажды Егор не пришёл в себя в этом самом доме. Он, ссутулившись, монотонно раскачивался на крепкой табуретке напротив огромного зеркала на стене, а из отражения на него смотрел не только он сам, но и погрязшие в дымке чудовищные тени. Незнакомая ему бабушка с весьма строгим выражением лица что-то бубнила над ним и водила ладонью над его макушкой. А фигуры, что топтались по ту сторону зеркала, словно нехотя исчезали одна за другой, когда она вонзала рукой Егора очередную иглолку в пухлую подушечку, лежавшую на его коленях.

В комнате они находились вдвоём. Родители ждали на улице и не входили в дом вовсе. И когда последний из созданий, что затаился в зеркале, растворился вместе с сизым туманом, женщина забрала подушку с иголками из рук Егора и умыла его холодной водой. После чего строго-настрого запретила рассказывать о том, что он видит сверхъестественного, о тех, кто смотрел на него из отражения сейчас, о том, что с ним делала она сама. Сказала, что это ему такой непростой родовой дар достался по мужской линии от её отца. Что бояться блуждающих душ нет смысла – они безобидны, хоть иногда встречаются страшные обличьем. Что видеть их будет всю жизнь, и следует свыкнуться с этим и научиться с ними ладить. Родителям она тогда что-то про порчу долго объясняла. И убеждала, что подобных истерик с их сыном больше никогда не повторится. Егор же с тех пор так боялся, что тайна его будет раскрыта, и отправят его в сумасшедший дом, что долго даже и подумать не мог хоть с кем-то поговорить об этом.

– Они ж ночью к тебе приходили, – бабушка недобро рассмеялась, и Егор вздрогнул, вмиг вырвавшись из собственных мыслей. – Ох, и поганцы.

– Верно, – кивнул он. – Поганцы и были.

– Думаешь, пугали они тебя? – спросила она, подходя к столу, где по-хозяйски выдвинула стул и присела.

– Да, – Егор зябко повёл плечами. – Потому что...

– Не так всё, – невозмутимо перебила его бабушка.

– А как же тогда? – напрягся он.

– На самом деле помощи они у тебя просили, Егор, – глубокомысленно заявила она. – Всего лишь.

– Нет, вы это серьёзно? – не выдержал Егор. – И чем же я мог им помочь?

– И мог, и можешь, – наставнически пояснила она. – Беседой. И прощением. И освобождением.

– Но я не знаю, о чём говорить с мертвецами! – громко и жёстко возразил Егор. – И как освобождать. И тем более прощать. И что это вообще такое – прощать?

– С неуспокоенными, – строго и холодно взглянув на него, поправила женщина.

– Отлично, – подхватил Егор в её же манере. – И как мне отвечать им, если я понятия не имею, кто они? Почему не упокоились, завершив свой путь среди живых? И для чего преследуют именно меня?

– Все ответы внутри тебя, внук, – серьёзно продолжила она.

– Что? – не понял он.

– Задавай вопросы, – кивнула она.

– Вы – баба Нюра? – не растерялся он, всё больше нарастая изнутри лихорадочным нетерпением.

– Она самая я, Егор, – деловито заявила женщина. И тут же пренебрежительно поддела: – Анна Гавриловна. Не узнал, что ли?

– Узнал, – кивнул Егор. – Если честно, то не сразу. Вот только сейчас разобрался, что в кабинете Юрчук тоже вы были, но немного по-другому выглядели. Причёску сменили?

– Двулика я, – расплывшись в недоброй улыбке, объяснила Анна Гавриловна. – И ты такой же. Когда освобождать заблудшие души будешь, не забывай кто они, а кто ты.

– И кто же я? – непонимающе пожал плечами Егор. – Демон?

– Нечистый ты, – уведомила Анна Гавриловна.

– Что? – принуждённо рассмеялся Егор. – Бред!

– Руку дай, – настойчиво потребовала она и протянула к нему свою раскрытой ладонью вверх.

– Зачем это? – насторожился Егор.

– Испугался? – поддела его баба Нюра и пугающе расхохоталась. – Нечистый нечистого утратился, вот смех?

– Ничего я не испугался, – раздражённо отозвался Егор и резко вложил свою ладонь в ладонь собеседницы. – И никого.

Никогда раньше он и не думал, что его может прохватить такой лютый холод. Да, он не раз встречался с душами, и не раз его щипало лёгким морозцем в их присутствии. Но чтоб вот так пробрало до костей, заставило тело дрожать крупной дрожью, а руки, ноги и спина онемели, не происходило никогда.

Внезапно баба Нюра сжала его пальцы в своих. Ладонь Егора тут же пронзило болью и скрутило судорогой, и он, вскрикнув, попытался высвободиться. Но рука вовсе не его оказалась. Или его?! Он ошарашено подался назад. Те фаланги, что оказались зажаты бабой Нюрой, почернели и так уродливо растрескались, что от увиденного Егора замутило. Он уткнулся носом в предплечье и простонал. Он смотрел на свои отвратительного вида пальцы и не верил в происходящее. Бросил взгляд на бабу Нюру – она тихо посмеивалась. И вот теперь Егору стало по-настоящему жутко.

– Вот она, твоя вторая личина! – кивнула на безобразную пятерню Егора Анна Гавриловна. – Вот, кем ты можешь стать, если захочешь насильной власти и над собой человеком, и над другими людьми тоже! Правда, в таком случае человека в себе тебе придётся принести в жертву себе же нечистому.

– А что, если нечистого меня в жертву принести, а остаться просто человеком? – предположил Егор, сглотнув ком дурноты в горле.

– Не получится, – покачала головой собеседница и выпустила его ладонь из своей.

Пальцы его вмиг стали прежними – живыми. И можно уже было выдохнуть с облегчением, если б не холод, который покидать Егора не спешил.

– Ты нечист от рождения – подалась в разъяснения она. – От отца моего тебе сила досталась. Ведь мы с тобой родственники, пусть и дальние. После него у нас в роду одни девочки в этот мир приходили. А он всё ждал и ждал преемника, надеялся, что хоть у кого из близких по крови сын родится, чтобы он при жизни смог ему и знания, и умения передать – особые наставления, строго для мужчин: «Поздние записи». И научить, как сблизить свои две личины, чтобы не причинять людям бед. Не дождался. Те самые «Поздние записи» он оставил на сохранение мне, а я передаю их тебе. Найди их в чулане, заплати им и начинай постигать умения Заступника, не медли. Время идёт. Души вокруг тебя копятяся. Их положено отпускать, а то можно и свихнуться от их присутствия или ещё чего похуже – вздёрнуться, к примеру. Тех, которые приходили к тебе с двенадцати лет, я ещё тогда, при нашем с тобой здесь общении, смогла перенаправить к себе. И от твоего имени упокоевала их тринадцать лет подряд. Теперь

меня нет, а души так и продолжают приходить к тебе. Ты молчишь, они не находят ни прощения, ни упокоения. Но даже несмотря на то, что ты их не видишь, они сами и отголоски их смертей бродят рядом с тобой, незаметно утягивая и тебя в могилу. Поторопись, Егор. И начни с Демонов. Тебе необходимо найти их всех шестерых. И выслушать каждого. А после всех вместе собрать и отпустить. Я только-только начала заниматься ими, но не успела закончить. Да и стара я была, а потому не так сильна, как прежде. У тебя же и силушка Заступника в самом венце, и времени в запасе имеется достаточно.

– Какая ещё силушка? – всё больше накопал раздражением Егор. – Что за...

– Нечистая, сколько ещё объяснять тебе?! – жёстко оборвала его Анна Гавриловна, бросив такой недобрый взгляд, что его непроизвольно передёрнуло.

– Но я не знаю, что это за сила такая, – стараясь взять эмоции под контроль, почти деликатно возразил он. – И даже если она и в самом деле у меня есть, я понятия не имею, как и когда ей пользоваться.

– Так учись! – звучно хлопнув по столу ладонью, потребовала Анна Гавриловна. – Вот только же рассказала тебе про «Поздние записи»! И даже объяснила, что нужно немного заплакать им, чтобы видеть нащёптывания, скрытые от обычного глаза. Чего голову мне морочишь!

– Что ещё за записи? – в тон ей возмутился Егор, так и не удержав себя в руках. – Чем я им заплачу?

– В этом ты сам разберёшься, Заступник, – сердито процедила Анна Гавриловна.

– Ладно, – примирительно заговорил Егор, всё больше понимая, что остальные подробности ему действительно придётся выяснять самостоятельно. Вздёрнуться в ближайшее время он определённо не планировал. – Один вопрос ещё можно?

– Учить тебя, Егор, я не смогу, если ты об этом, – с сожалением протянула она, поднимаясь со стула и, похоже, собираясь оставить собеседника наедине с собой. – Ты мужчина – мои знания для тебя не подойдут, иначе я давно бы тобой занялась.

– Я не об этом, – покачал головой Егор, глубоко вдохнув, тут же выдохнув и совершенно точно совладав с собой. – Меня интересует другое: где вас смерть застала, если можно о таком откровенничать, конечно?

– Да вон там и застала, – Анна Гавриловна, не оглядываясь, буднично махнула рукой в сторону кровати, где спал Макар. – Во сне умерла. Спать поздно вечером легла, а рано утром, как всегда и бывало, не встала. Легко ушла, тихо и без мук. И ты уйдёшь однажды без страданий и боли, если заслужишь и не запачкаешь себя грязью недобрых дел.

– А если не заслужу? – отозвался Егор, и на лице его промелькнула усмешка. – Если запачкаюсь? Или как там: принесу себя человека в жертву себе же нечистому? Тогда что? Не простите меня? Проклянёте? Или сожжёте мою недостойную душу в адском пламени?

– Не адского пламени тебе надо бояться, Егор, – предостерегла его Анна Гавриловна, внезапно оказавшись с ним нос к носу и обдав таким пробирающим холодом, что его снова начало знобить. – А того огня, что принесёт с собой ослеплённый мстью своевольный Судья.

– Судья? – поразился Егор, пытаясь справиться с дрожью хотя бы в голосе. Выходило плохо. – Но за что меня судить?

– Не тебя он судит, внучек, – устало произнесла Анна Гавриловна. – Не тебе выносит приговор, не над твоей головой приводит его в исполнение.

– А кого же тогда он судит? – насторожился Егор, обхватив себя за плечи и растирая их, чтобы хоть немного согреться.

– Демонов.

Глава 8. Поздние записи

Сквозь лазейку между цветастыми занавесками в окно с улицы лился такой добрый свет, что даже несмотря на головную боль, Егор проснулся в хорошем настроении. Функцию «жаворонок» он, так и быть, отключил по просьбе Макара, но на одно утро. Завтра обещал самому себе непременно вернуться к обычному распорядку: регулярный подъём не позднее семи утра – идеальным было бы в шесть, но и про сон друзей не следовало забывать, – и обязательная пробежка.

Пока ему следовало хорошенько поразмыслить над произошедшем вчера, а поразмыслить было над чем. Ведь после затянувшегося далеко за полночь диалога с бабой Нюрой, он запутался в происходящем с ним ещё больше. Даже разобраться, где именно он находился при близком общении с призраком, оказалось нелегко, – это бабушка в гости заходила к себе же домой или он заглянул к ней в нечто сомнительное «туда», – не представлялось возможным. В любом случае первая полноценная беседа с душой состоялась. И принесла с собой больше вопросов, чем ответов. И оставила после себя разбитость.

В комнате Егор оказался один. Яны ни видно, ни слышно не было. Зато Макар, мурлыча себе под нос бодряю песню, уже во всю хозяйничал на кухне. Откуда нёсся настолько манящий аромат омлета, что Егор, совсем проснувшись, и пяти минут не смог провалиться в постели. И потому одевшись, приведя себя в порядок после сна, навестив раритетные удобства на свежем воздухе, потом умывшись и побрившись, он с завидным аппетитом принялся за завтрак.

Яна пока так и не объявлялась, что дало ему возможность поделиться с Макаром историей про ночное общение с бабой Нюрой. Про то, где умерла хозяйка дома, он предусмотрительно умолчал – Макар и без того слишком мнителен, а вот про «Поздние записи» упомянул. И тогда Макар, загоревшийся идеей найти записи непременно сегодня, первым делом предложил отправиться к той двери, что чёрной ухмылкой больше всего наслала на него робости вчера.

Сегодня она ощерилась не так зловеще, как накануне. Но всё равно ощущение, что она словно усмехалась над ними: «Ну что, решитесь войти? Не струсите?», не отпускало. Егор не струсил и вошёл первым. И за дверью обнаружил чулан, но и там при беглом осмотре не нашлось ничего ни недоброго, ни тем более «позднего».

За простой светло-коричневой дверью оказалась тесная коморка. Здесь хозяйничал полумрак. Осмотревшись, выключателя, как и люстры или хотя бы лампочки на потолке, как в коридоре, Егор не нашёл. Единственным источником освещения служило маленькое окно в центре стены.

Узкую комнату наполняли терпкие запахи, прохлада и приятная тишина. Но стоило ему шагнуть к самодельному стеллажу, на полках которого обнаружились, покрытые пылью закопчённые сковородки и кастрюли. В ближнем правом углу громоздились друг на друге набитые до отказа бумажные кули, перетянутые шпагатом. На гвоздях у окна висели тряпичные мешки, такие пухлые, будто в каждом из них хранилось по мячу. В тёмном углу за стеллажом, подвешенные у потолка, таились пучки засушенных трав. У двери стоял высокий ящик, прикрытый сверху фанерой. Он оказался доверху набит солью, которая давно слежалась, и больше походила на огромный белый валун.

За спиной скрипнула дверь, Егор обернулся и тут же замер. Трудно было поверить, но почти весь левый угол чулана, куда сквозь крохотное окно всё же заглянуло солнце, играя разноцветными бликами, занимал массивный сундук. Его чёрный фасад давно потерял прежнюю величавость, был в потёртостях, царапинах и сколах. Зато навесной замок, больше похожий на крепкий кулак, внушал уверенность, что спрятанные под громоздкой крышкой сокровища бывшей владелицы защищены надёжно.

– Открывай! – раздался восторженный голос Макара за плечом, и в эту секунду Егор нашёлся. – Ну, что ты стоишь? Кашевский, я взорвусь сейчас! Открывай же! Умоляю, прекрати мои мучения. Что же там, Егор?

Макар стоял в дверях и, с любопытством глядя на сундук, шумно потирал ладони.

– Я не советую, – предупредила, заглянувшая из коридора Яна. Где она пропала всё утро, так и осталась для Егора загадкой, но вид у неё хоть был, как и прежде, цветущий, однако она казалась беспокойной и озабоченной. – Не думаю, что это хорошая идея, парни. Баба Нюра не любила, когда её вещи трогали чужие люди.

По спине пробежали мурашки, и Егор зябко повёл плечами.

– Нет, – отрезал он, искоса глядя на друга.

– Ну, Егор, – взмолился Макар. – Ты же не чужой, так? Так. Пожалуйста, давай откроем. Только одним глазком взглянем, и всё.

– Нет, – с заметной неуверенностью в голосе пытался упорствовать Егор.

– Ну, не укусит же он нас? – не отступал Макар. – Вон, смотри, и ключ вист. А если нельзя открывать, зачем же баба Нюра его на видном месте оставила? К тому же тебе его открыть вполне можно – ты же её наследник как-никак. И ещё эти «Поздние записи». Где они могут быть в чулане? Не на полу же среди банок. И не на стене среди трав. «Записи» где-то должны быть записаны. Значит, какие-то бумаги, тетради или блокноты.

И действительно, проследив за взглядом друга, Егор заметил на гвоздике сбоку крышки сундука ключ. Он взял его, приладил к замочной скважине и провернул. Раздался щелчок, и дужка выскочила. Замок сняли и повесели на гвоздик, где до этого хранился ключ. Крышка ларя с хрипом поползла вверх, когда Егор сильнее надавил. Горький запах, что прятался внутри, вмиг заполнил комнату. И перед парнями открылись те самые надёжно спрятанные сокровища бабы Нюры: сложенная аккуратными стопками потрёпанная одежда и три пары мятых туфель на высоком каблуке.

Здесь обнаружили пожелтевшие от времени гипюровые блузки, в крупных принтах старомодные юбки, выцветшие летние сарафаны в горошек, растянутые свитера, а ещё заношенные до дыр вязаные шапки, шарфы, варежки и носки. В ближнем углу Макар нашёл панамы, и одну из них тотчас натянул на себя. Её мятые поля забавно повисли и, казалось, что на макушке друга не головной убор, защищающий от солнца, а детский чепчик. Но не успел Егор и слова произнести, как вторая панاما, вся в розовых слонятах, оказалась и на его голове.

– Ты смешной такой, Егорушка, – прыснула за спиной Яна, но тот не успел ответить.

– А это видели! – воскликнул Макар.

Егор с Яной обернулись как раз в ту секунду, когда Макар достал из сундука сиреневое платье в пол. Блестящие узоры его озорно поблёскивали на свету.

– Свадебное, скорее всего, – самозабвенно пропел Макар. – Красота.

– Или обрядовое, – предостерегала Яна, а у Егора холодок по спине пробежал. – Будет лучше убрать его на место.

– Верно, – согласился Егор.

Вырвав броский наряд из рук Макара, он тут же скомкал его и отправил на дно сундука.

– Кашевский, ну, ты чего, – обиженно простонал Макар.

Пристроить платье между стопкой с блузками и другой, с тёплыми свитерами, удалось Егору с трудом. Вещица из плотной ткани с шершавым орнаментом не желала соседствовать ни с летним, ни с зимним бельём. Она всё норовила выпростать в стороны рукава и подол. Но, спустя пару минут, он всё же справился с этой хламидой, прижав её сверху потёртыми туфлями на квадратном каблуке. Когда же он собрался покинуть душное нутро сундука, под стопкой заношенных мужских брюк и трико с растянутыми коленками, заметил две толстые тетради и кучу небольших зеленоватых подушечек, утыканных иголками разных размеров.

– Они что, и взаправду существуют? – спросил сам себе Егор, и, не находя, что ответить, потянулся к находке.

Если бы не самодельные игольницы, он без помех добрался бы до цели. Однако, случайно задев ржавые иголки и расцарапав в кровь пальцы, он дёрнулся прочь, но выбраться не успел. В этот момент голову его от правого виска до затылка пронзила такая нестерпимая боль, что он вскрикнул и сжал лоб обеими руками, словно боялся, что он сейчас разлетится на части. Чувствуя, как пол уходит из-под ног, он попытался ухватиться за край сундука, но так и не понял, успел или нет: сознание внезапно покинуло его.

– Егор, лучше тебе? – донёсся до него тихий голос Яны. – Ты как?

Веки разлепились с трудом, и он, только сильно сощурившись, увидел сидящую рядом с собой Яну. Она осторожно растирала его руки, которые лежали поверх одеяла. Он встрепнулся и рывком забросил их за голову. Пальцы вмиг свело судорогой, и он, застонав, подался вверх, но подняться так и не смог. Голова неуклюже вывернулась влево, и на стене рядом с часами с кукушкой, он увидел крохотную зелёную подушечку, всю утыканную серебристыми иголками – точную копию той, что он держал в руках в день приезда сюда впервые и тех, что видел в сундуке.

– Ты холодный такой, – забеспокоилась Яна, приложив ладонь ко лбу Егора. – Как будто под ледяной дождь попал. Мы испугались. У тебя кровь из носа пошла, и ты потерял сознание.

Он, не говоря ни слова, приподнялся на локтях и осмотрелся. И действительно, бело-снежная подушка Яны, на которой он лежал, и край её одеяла, оказались в бурых пятнах. В голове было пусто, словно все мысли, тревоги и страхи вытекли через нос вместе с кровью, взамен оставив бесчувствие. Или...

– Что произошло, Егор? – напомнила о себе Яна.

Или он заплатил? Ну, конечно! Похоже, его нечистая ипостась – если она на самом деле имеется, и он окончательно не спятил – рассчитывается кровью. Вот только за что? Те самые потрёпанные тетради на дне сундука? Хотелось бы теперь познакомиться поближе с приобретением.

– Душно там было, – обессиленно пробормотал Егор, растирая дерущую изнутри переносицу подрагивающими пальцами. – Просто душно.

– Живой? – неуверенно поинтересовался Макар, выглянув из кухни, и подтянулся на цыпочках, хотя, будучи выше Егора на голову, совсем в этом не нуждался.

– Да, – кивнул Егор и сел в постели.

Вытянув шею, смешно выдвинув подбородок вперёд и выразительно округлив глаза, Макар намекал, что его интересует другое: видел ли он кого, лишившись чувств. Егор не видел, но сказать об этом при Яне не мог, потому слегка повёл головой в сторону.

Недобрый прищур Яны, молчавшей последние несколько минут, сразу насторожил Егора, а возмущенный взгляд тут же дал понять, что она терпеть не может недомолвки и таких же людей. Её дружелюбие могло вот-вот завершиться. Ведь то, что она не расшифровала их намёки, ещё не значило, что не заметила их заговорщический вид. Предпринять бы что-то, и тут на выручку Егору пришёл именно Макар.

– Ты какие-то старые бумаги в сундуке нашёл, – ретировался он, кивнув в сторону стола, на краю которого лежали две тетради в чёрных полинялых обложках. – А потом обо что-то сильно исцарапался.

– Иголки какие-то, – с трудом выдавил из себя Егор. – Ржавые.

– Ржавые? – обеспокоенно посмотрев ему в глаза, переспросила Яна. – Давай скорее обрабатываем. Мало ли, столбняк там какой. Или ещё чего.

– От столбняка я привит, – криво улыбнувшись, отмахнулся Егор. – А вот от «ещё чего», не уверен. Пожалуй, обработай, да. Только уж постарайся нежнее, пожалуйста. И не говори, что я чрезмерно многого хочу. На втором дне знакомства, думаю, уже можно. Особенно, если вспомнить, что мы с тобой вчера вытворяли в танцах на поляне после компота, пусть и на пионерском расстоянии.

Попытка перевести неловкую ситуацию с переглядыванием с Макаром в шутку успехом не увенчалась. Одарив собеседника разочарованным взглядом, Яна тяжело вздохнула, поднялась с кровати и вышла в кухню. Уже почти скрывшись из виду, она, не оглядываясь, гордо бросила через плечо:

– Не смешно.

Ссориться с Яной Егор уж никак не планировал, но и откровенничать о своих паранормальных способностях не спешил. Вмиг помрачнев, он осуждающе глянул на Макара, но тот пожал плечами и развёл руками.

– Ну, вот кто тебя просил? – прошипел Егор так тихо, как только мог, но, чтобы друг услышал. – Потерпеть не мог?

Ответить тот не успел, в комнату вернулась Яна с увесистой коробкой из-под обуви, внутри которой оказались всевозможные лекарства. Пристроив странную аптечку на прикроватный табурет – да, Егор по-хозяйски каждому из друзей выделил личный, за неимением столиков или тумбочек, – и пошвырявшись в содержимом, она нашла вату, перекись водорода и йод.

Заведомо представив, какие мучения сейчас перепадут Кашевскому, Макар жалостливо скривился и поспешил удалиться, на прощание сопереживающе кивнув. Сострадание в его рассеянном взгляде Егор не оценил, а в Янином безразличном и вовсе не встретил.

– Дай руку, – сухо, без капли сочувствия процедила она, совсем непохожая на себя вчерашнюю приветливую.

Зябко поведя плечами, Егор вспомнил разговор с Анной Гавриловной и тот момент, когда, вложив в её ладонь свою, увидел собственные фаланги настолько безобразными, что отделаться от приступов дурноты после не получалось ещё долго. Но противиться Яне и её лечению он и не думал. И без того уже допустил оплошность, которую не знал, как исправить, не навредив себе.

Горячие пальцы девушки обожгли его похлеще ледяных бабы Нюры, и он так резко вздрогнул, что Яна от неожиданности чуть не опрокинула аптечку. Но Егор быстро справился с собой и сел так прямо, словно добивался идеальной выправки. Яна тут же последовала его примеру.

– Извини, – после долгих минут раздумий и болезненной обработки пораненных пальцев перекисью, а потом ещё и йодом, сказал он. И дождавшись её кивка, заявил: – Какая же ты тёплая, Яна.

Удивлённо округлив глаза, она с минуту смотрела на Егора, не отрываясь, и молчала, а потом рассмеялась:

– Ну надо же. Такого мне ещё никто не говорил.

– Я тот ещё словоплёт, – поддакнул он. – Как выразился недавно Серж: это мы моём.

– Это я заметила, – хмыкнула Яна.

– Так я прощён? – деликатно поинтересовался он и так забавно изогнул левую бровь, что она не смогла удержаться и ещё от одного смешка.

– Так и быть, прощён, – снисходительно согласилась она, так неожиданно разругавшись, что и самой стало неловко. – Но больше не шушукайтесь с Макаром за моей спиной, не надо. Если у вас есть секреты, посвящать в которые вы меня не собираетесь, обсуждайте их там, где меня нет. Я понимаю, что мы знакомы два дня, и доверять мне, как и не доверять,

у тебя нет никаких оснований. Но откровенные переглядывания в моём присутствии – это невежливо и очень обидно.

– Я не говорил, что не доверяю тебе, – мгновенно зацепился за её слова Егор. – Просто есть кое-что личное, чем мне сложно делиться даже с родителями, а это другое. Может, когда мы чуть ближе познакомимся, мне будет проще тебе открыться, а пока я не готов. Да и ты, уверен, тоже. Но ты права, секретничать в твоём присутствии действительно некрасиво. Такого впредь не повторится.

– Очень надеюсь, – согласилась Яна, но испытующий взгляд её говорил об обратном. – И ещё имей в виду, Егор, если я и даю людям шанс, то не больше одного. Потому что, если человек не учёл своей ошибки после первого промаха, значит, с его стороны это был вовсе не промах.

– Больше не промахнусь, – пообещал ей Егор, дружелюбно улыбнувшись.

– Увидим, – кивнула Яна.

Глава 9. Долговязая яма

Выяснить у Сержа подробности истории про Демонов оказалось не так просто, как предположила Яна после новоселья. И причиной тому оказалось не его нежелание делиться чужими тайнами или незнание подробностей той давней истории, вовсе нет. А, как ни странно, бродившая за ним по пятам и находившая для него дела по дому и огороду, сестра. Всё же ближе к десяти часам утра Серж умудрился улизнуть от неё, пусть и ненадолго, чтобы в очередной раз поправить здоровье компотом, им же и подпорченное, а новоявленных соседей взбодрить.

Егор от подобного предложения тактично отказался. Он и без того третий день пропускал пробежку. Макар с Яной наметившуюся попойку тоже не одобрили, и повернули разговор в сторону баек про Демонов. Но так как Сержу пришлось лечиться от хмельной заразы в одиночку, да ещё то и дело пригибаться столу, чтобы «Ела» не обнаружила место его дислокации и не лишила единственной радости за это утро, к Демонам и трактористу рассказ вышел после того, как бутылка, принесённая Сержем, почти опустела.

Разузнать успели не так много. Пока Серж повторил историю про Демонов сначала, усилив её для эффекта описаниями неких ворот на краю сада, на которых почившего Толяна, как оказалось, и повесили, объяснил, как к ним дойти и какие могут возникнуть трудности в пути, для него лично ничего не предвещало неприятностей. Но только он успел обмолвиться о том, как некий тракторист, в ту злополучную ночь пахавший поле за садом, остановился то ли покурить, то ли по нужде, и обнаружил тело односельчанина Толяна по кличке Зноб под колёсами своего стального коня, и до того анекдотично изобразил возможное лицо и вопль ужаса хлебороба, как Юрчук вмиг вычислила его местоположение. После чего Серж был без лишних слов депортирован из владений Егора в собственные, где с приездом в отпуск – на минутку – на месяц Елены Дмитриевны, ею был незамедлительно введён сухой закон на всё время её тут прибывания.

Серж сразу сник – тридцать дней без капли забродившего вина во рту ещё продержаться бы как. Но, проходя мимо крыльца, он так выразительно глянул сперва на Егора, а после на пустую без собаки будку у сарая, что парень всё понял и, еле сдерживая смех, понимающе кивнул, как бы клятвенно обещаая хранить тайну компотного тайника.

После ухода Комаровых-Юрчук, Макар предложил наведаться в Гиблый сад сегодня же, но Егору эта идея показалась не слишком удачной. Хотелось бы найти хоть какие-нибудь подсказки о подобном в «Поздних записях». Пока он успел их лишь полистать, даже не вчитываясь. Но вспомнив про беседу с бабой Нюрой, про себя нечистого и возможность однажды не выдержать переизбытка душ вокруг, он изменил мнение и согласился с другом. Правда, спустя всего полчаса, когда сборы в путь до сада завершили, свет в коридоре погасили, а дом надёжно заперли, Егором овладело необъяснимое чувство тревоги. Ещё и Яна куда-то запропастилась. И хотя она обещала догнать их с Макаром после некой Долговязой ямы, на душе спокойнее не становилось.

С оврагом, именовавшимся среди Княжевчан Долговязой ямой, у Егора отношения не сложились сразу, как только он шагнул на верхнюю ступеньку железной лестницы, ведущий к самому его дну. Ведь, услышав за спиной осторожный шорох, он так резко обернулся, что оступился на первом же уступе. И тут же больно подвернув лодыжку, он едва удержался на другой ноге и не свалился с отвесного обрыва.

Нелепая, на первый взгляд, кличка этого странного места, описывала его как нельзя лучше – очень глубокий ров с крутыми берегами и невидимым из-за высоченных деревьев дном, добраться до которого без лестницы было бы невозможно. И хотя она тут имелась, но настолько дряхлая, что, прежде чем устоять на следующем приступке, приходилось сперва долго шарить по нему ногой, проверяя на прочность. Радовало одно – кто-то дальновидный

или невероятно хозяйственный предусмотрел при воздвижении этой конструкции перила, что значительно облегчало путь.

Перемещаться пришлось не торопясь, зато раздражение накатило молниеносно и возросло с каждым новым укусом злющих комаров в открытые участки тела, но Егор держал себя в руках. Пока он не предъявлял Макару никаких претензий ни по поводу неудобного маршрута к некоему саду, ни за то, что не был предупреждён о полчищах кровожадных насекомых, но всё к тому неумолимо шло.

Непростой спуск на удивление завершился довольно быстро, и перед парнями предстала пусть и не широкая, но шустрая речушка и перекинутые через неё в подобии мостика гнилые доски. Когда же Егор, наступив на них, промочил ноги, терпение окончательно покинуло его. И на его место пришло откровенное недовольство.

– Ты куда меня притащил, Макар? Мне не по себе здесь. Мне не нравится это место. И всё время кажется, что, кто-то следит за нами.

– Ты кого-то видишь? – насторожился Макар и стал вертеть головой с озабоченным видом.

– Пока нет, но...

– Тогда не паникуй, Кашевский, – с облегчением выдохнул Макар. – Это всего лишь Долговязая яма. Овраг. Нет здесь никого. Тут редко ходят.

– Что, вот это – яма, – выговорил он, крутанувшись на месте. – Я уже понял. И если здесь редко ходят, зачем нас сюда понесло? Мы здесь для чего, я спрашиваю? И где Яна?

– Она, неверное, через Малый мост пошла, – предположил Макар. – Ну, помнишь, когда в Княжево въезжали, ты ещё спрашивал, что это за насыпь с перилами в овраге.

– Помню, – недовольно прошипел Егор. – Очень даже приличный там мост. Вот только вопрос: почему мы там не пошли?

– Там дальше, – пожал плечами Макар.

– Дальше, чем что? – вскипел Егор.

– Там идти дальше, – пояснил Макар. – Здесь нам подняться осталось, и окажемся практически напротив сада. А так большой крюк пришлось бы сделать. Полчаса времени ещё потеряли бы, не меньше.

– Всего лишь подняться, – зло повторил за другом Егор. – По отвесной стене. В мокрой обуви. В край искусанными гигантскими комарами. Зато ближе. Отлично! И полчаса в кармане на мелки расходы.

– Ну, не злись, – примирительно протянул Макар. – Я же не знал, что ты вот так сразу вывозишься в этом ручье. Хочешь, вернёмся и...

– Не хочу! – отрезал Егор, жалко хлопнув кроссовом, когда наступил на первую ступеньку ещё одной невероятно крутой лестницы, теперь ведущей вверх по обрыву.

Над головой раздался надрывный скрип. Егор вздрогнул и вскинулся, пытаясь разглядеть, что же так мерзко скорежится, и похолодел от увиденного. Почти над ним, только на высоте и левее, болтался висельник. Им оказался худошавый мужчина. Лица его было не разглядеть, а вот руки, безвольно повисшие вдоль тела, различались хорошо. Ступор отпустил так же быстро, как и парализовал, и Егор шархнул назад так резко, что чуть не сбил с ног Макара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.